

Александр Михайловский
Александр Харников

БРЯНСКИЙ КАПКАН

Крымский излом - 4

Ангелы в погонах

Александр Михайловский

Брянский капкан

«Автор, Автор»

2016

Михайловский А. Б.

Брянский капкан / А. Б. Михайловский — «Автор, Автор»,
2016 — (Ангелы в погонах)

Российская эскадра, из конца 2012 года неожиданно оказавшаяся в начале января 1942 года в Черном море на траверзе Евпатории, продолжает свой боевой путь, безвозвратно меняя историю этого мира. Едва закончились сражения зимней кампании 1942 года, для уроженцев этого мира ставшие логическим продолжением битвы под Москвой, советское командование начало готовиться к грандиозной летней битве, которая определит дальнейший ход войны. Прочитав эту книгу, вы узнаете, как ковалось оружие Победы, как проходила локальная Брянская наступательная операция и до чего Туманный Альбион довела безвременная смерть Британского Борова.

© Михайловский А. Б., 2016

© Автор, Автор, 2016

Содержание

Часть 13. Операция «Благовест»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Михайловский, Александр Харников Брянский капкан

Часть 13. Операция «Благовест»

15 апреля 1942 года, Полдень. Брянский фронт. деревня Дьяково. Хозяйство Бесоева.

Старший лейтенант ОСНАЗ Петр Петрович Вершигора

Ранней весной 1942 года – как раз в те дни, когда вся страна праздновала освобождение Пскова, Риги, Таллина и снятие блокады Ленинграда – я попрощался с политотделом 40-й армии и убыл в распоряжение отдела кадров Брянского фронта. Мне казалось, что я уже пообщался среди командного состава, и теперь я отчаянно желал найти свое место на войне и покомандовать самому. Сам не знаю почему, но мне хотелось за линию фронта – то ли в рейдирующие части ОСНАЗА, совершающие глубокие прорывы в немецкий тыл, то ли к партизанам.

Как человек уже повоевавший, раненый и побывавший в окружении, я просто восхищался нашими советскими людьми, сумевшими повернуть против немцев их же немецкую тактику и идти с ней от победы к победе. Конечно, мне многое дало общение с бойцами 13-й гвардейской дивизии и с ее командиром полковником Родимцевым (на командном пункте которого я, пользуясь экстерриториальностью корреспондента, просиживал целые дни), но действия частей ОСНАЗА казались мне чем-то запредельным.

По какому-то странному стечению обстоятельств, а может быть, и по велению судьбы, когда я в отделе кадров Брянского фронта набрался наглости и заявил: «Хочу в ОСНАЗ», рапорту моему был дан незамедлительный ход. Не знаю, какие шестеренки военно-бюрократического механизма при этом провернулись, но уже в первых числах апреля я получил предписание и убыл в распоряжение своего нового начальства. При этом меня попутно переаттестовали из интенданта второго ранга (что соответствовало общевойсковому званию майора) в старшие лейтенанты ОСНАЗ. Злосчастные селедки¹ мне больше не грозили.

Начало апреля – такое время, когда внезапно оседающие сугробы вдруг сереют и начинают таять, повсюду поверх промерзшей земли разливаются бескрайние, подмерзающие по ночам лужи, а на пригретых солнцем южных склонах пригорков пробиваются зеленая травка и первоцветы. Фронтовые дороги в это время превращаются во что-то невообразимое: в заполненных водой глубоких колеях тонут по самое пузо даже обычно безотказные полуторки. Так что двести километров от деревни Нижний Ольшанец в пятнадцати километрах восточнее Ельца, где располагался штаб Брянского фронта, до места моего назначения, деревни Дьяково, в двадцати пяти километрах севернее Мценска, я с превеликими мучениями преодолевал чуть ли не неделю.

Мой новый командир, майор ОСНАЗА Николай Арсеньевич Бесоев, как и все кавказцы, был скуп на слова. Громче него говорил позвякивающий иконостас на его груди: звезда Героя

---

¹ Эпизод с дележом двухсот селедок на триста бойцов начинающим интендантом Вершигорой описан в автобиографической книге «Люди с чистой совестью».

Советского Союза, орден Ленина, два ордена Красной Звезды, и совсем недавно учрежденные орден Отечественной Войны 1-й степени и Орден Кутузова 3-й степени. Повоевал мой новый командир немало, и, судя по орденам, о его подвигах можно было бы написать не одну приключенческую книгу.

Прочитав мои документы, майор поднял свои черные глаза и некоторое время смотрел на меня будто на старого, почти забытого знакомого.

– Здравствуйте, Петр Петрович, – наконец сказал он после долгой паузы, – как говорят моряки, добро пожаловать на борт. Батальон, в который вы направлены служить, еще только формируется, но времени для расслабления и отдыха совершенно нет. Командованием перед нами поставлена очень важная задача, в суть которой вы будете посвящены позднее. У ОСНАЗА вообще не бывает неважных задач. – Он снова оглядел меня с ног до головы. – Со спецификой службы вы совсем еще незнакомы, да и все вакансии ротных и взводных командиров уже заполнены. Назначу-ка я вас пока адъютантом батальона и моим заместителем по разведке. Справитесь?

Я судорожно кивнул, а майор все так же спокойно, не повышая голоса, сказал куда-то в пустоту:

– Черданцева ко мне!

Через пару минут в помещении штаба буквально из ничего материализовался невысокий, но очень мускулистый старший сержант.

– Вот старший сержант Черданцев, – сказал мне майор, – наш инструктор по физической и специальной подготовке. Ваша с ним первая задача – в кратчайшие сроки дойти до такой физической кондиции, чтобы в деле не выпадать из обоймы. ОСНАЗ – дело жесткое, и очень не хотелось бы, чтобы вы стали причиной гибели кого-то из ваших товарищей. Вам придется попотеть. Понятно?

Я опять кивнул, а майор продолжил, уже обращаясь к сержанту:

– Сергей, дело ответственное. Товарищ перспективный, раз уж его к нам прислали... Но происходит из кинорежиссеров, а они люди нежные. Конечно, товарищ уже повоевал, и общее понимание имеет, но понимание пониманием, а физическая форма чрезвычайно важна. И не увлекайся там – Брюса Ли ты из него все равно не сделаешь. – Он немного помолчал, переводя взгляд с меня на старшего сержанта и обратно, и добавил: – Теперь, Сергей, не в службу, а в дружбу – отведи товарища старшего лейтенанта к старшине, пусть экипирует и вооружит его, как и полагается настоящему офицеру ОСНАЗа.

Сержант козырнул, сказал: «Так точно, тащ майор!», и мы вышли из помещения штаба на свежий апрельский воздух, но пошли сперва не к старшине, а в импровизированную батальонную столовую, оборудованную среди негустого сосняка под прикрытым маскировочной сетью навесом. Прибыл я перед самым обедом, а если учесть, что за время мытарств от штаба фронта к месту назначения вел откровенно полуголодное существование, то кишки мои пели Лазаря и просили дать им хоть чего-нибудь перекусить.

И хоть меня царапнуло слово «офицеры», примененное вместо привычного «командиры», то столовая сразу рассеяла все опасения насчет того, что я попал в какой то рассадник старорежимности. За грубо сколоченными деревянными столами «прием пищи» (как говорят в армии) осуществляли вместе и бойцы, и их командиры. Стоял особый гул, характерный только для армейской столовой, состоящий из смешавшихся воедино звуков жевания, чавканья, стука алюминиевых ложек и негромких голосов. Поверх этой какофонии в воздухе плыл запах борща, картофельного пюре и еще чего-то столь же вкусного, так что рот мой наполнился тягучей слюной.

Пока мы со старшим сержантом шли к раздаче, среди сидящих за столами мой наметанный взгляд фронтового корреспондента сразу выделял ветеранов, отличая их от новичков. На первых их пятнистые стеганные камуфлированные куртки сидели привычно и ладно, на других, пусть тоже бывалых бойцах, но новичках в батальоне, обмундирование осназовского образца выглядело совсем необношенным. Новичков было очень много (что подтверждало слова майора о том, что батальон только формируется), и в то же время было явно заметно, что все они – не вчерашние призывники, а уже умелые бойцы, прошедшие фронт и госпитали. Судя по соотношению ветеранов и новичков, батальон или совсем недавно был ротой, или же понес в боях потери, выбившие из строя три четверти его состава.

На раздаче старший сержант еще раз смерил меня взглядом, потом указал на меня пожилому раздатчику и сказал:

– Новенький, рацион номер пять.

– Сам вижу, что новенький, Сергей Валерьевич, – проворчал раздатчик, после чего начал накладывать мне обед в алюминиевые миски, расставленные на жестяном подносе.

При этом я подумал, что этим количеством еды до полусмерти можно было бы укормить троих изголодавшихся фронтовиков. Насколько столовая была неказиста внешне, настолько же роскошен в полуголодной воюющей стране был тот самый рацион номер пять. И лишь потом, вдоволь хлебнув тренировок от «сенсэя Сережи», я понял, что без столь обильного питания бойцы и командиры просто протягивали бы ноги, а не превращались в идеальные живые машины по убийству себе подобных.

Старший сержант взял свою порцию, которая была даже побольше моей, потом проводил меня за стол, отведенный для управления батальона. Там я наскоро познакомился со своими новыми сослуживцами: начальником штаба, капитаном ОСНАЗ Петром Борисовым и замполитом батальона политруком Семиным. Чуть позже к нам присоединился и майор Бесоев. Как я понял из разговоров, с капитаном Борисовым майор воюет вместе с Евпаторийского десанта, а политрук Семин, хоть и бывалый волк, как и я, присоединился к батальону недавно.

После обеда чудеса продолжились. Старший сержант Черданцев отвел меня к старшине, и тот выдал мне целую кучу необходимого в осназовском деле инвентаря, начиная от специального «осназовского» пистолета-пулемета ППШ-42 с пистолетной рукояткой и специальной ручкой для удержания под цевьем. Как сказал мне старший сержант, «пистолет в нашем деле – это только чтобы застрелиться, а для серьезных дел нужен автомат или такая вот швейная машинка, перешитая на парабеллумовский калибр 9-мм».

Дальше были десяток плоских двойных магазинов под эти самые патроны, и специальный жилет-разгрузка для их ношения. Причем жилет был хитрый: с одной стороны серо-белый, под зимний камуфляж, а с другой стороны цвета хаки с желтым. Карманы и застежки тоже были выполнены так, что его можно было носить на обе стороны. Таким же продуманным было и прочее обмундирование. Большую его часть пришлось сложить в высокий рейдовый рюкзак, в котором основной вес в силу специальной конструкции с рамой приходился на бедра, а не на плечи.

Переложив свои вещи из сидора в специальный карман рюкзака, я вышел от старшины нагруженный как ишак и направился к месту своего расположения. Но не успел я пихнуть рюкзак под койку и облегченно вздохнуть, как вдруг из штаба прибежал посыльный и сказал, что «старшего лейтенанта Вершигору вызывает гвардии майор Бесоев». Пришлось идти.

С сомнением (как мне показалось) оглядев мою заново обмундированную личность, товарищ майор довольно жестко проэкзаменовал меня по поводу того, что я сегодня увидел в батальоне и что понял.

Когда я рассказал ему все вышеизложенное, он сказал загадочные слова:

– Думаю, товарищ старший лейтенант, что вы действительно подходите для той должности, на которую я вас определил, товарищи не ошиблись. Хотя, вполне возможно, от судьбы не уйдешь, и ваше место – совсем с другими людьми... Но будем посмотреть. В любом случае тому, чему вы научитесь здесь, вас не научат больше нигде, и это может сильно пригодиться вам во время дальнейшей службы.

15 апреля 1942 года, Вечер. Брянский фронт. деревня Дьяково. Штаб батальона.

Гвардии майор ОСНАЗ Бесоев Николай Арсеньевич

Формирование батальона можно считать законченным. Времени на завершение обучения и боевое слаживание остается совсем немного. Выручает лишь то, что все наши бойцы – люди бывалые, и хорошо представляют себе, что надо делать по обе стороны от мушки.

Из роты в батальон разворачиваемся не только мы. Вся наша бригада переформируется в механизированный корпус ОСНАЗ нового типа. Ставкой Верховного Главнокомандования перед нами поставлена задача обеспечить успех действий нашего корпуса, а по сути, и всего Брянского фронта. Задача не простая, не имеющая в принципе тривиальных решений.

Я отдернул занавеску, прикрывающую висящую на стене карту с обозначением линии фронта и известным нам расположением сил противоборствующих сторон. Локальная Орловско-Брянская наступательная операция, по имеющемуся у нашего командования общему замыслу, должна выбить противника из ритма подготовки к стратегическому летнему наступлению на южном направлении и заставить его распылить свои резервы.

Также при планировании этой операции Верховным были поставлены два неперенных условия. Первое – операция должна быть успешной. Орел и Брянск необходимо освободить, а общее стратегическое положение советских войск на южном фланге Центрального направления радикально улучшить. В результате этой операции следует создать предпосылки для даль-

нейшего продвижения в направлении Гомеля для рассечения немецких групп армий «Юг» и «Центр» на две не связанные между собой отдельные группировки. Второе – проведение этой операции не должно повлечь за собой неоправданных потерь, как только что безуспешно завершившаяся Болховская наступательная операция, которая проводилась силами 61-й армии Западного фронта вместе с 3-й армией Брянского фронта. Как и в нашей истории, после двух месяцев безуспешных атак пехотой и легкими танками на заранее подготовленную оборону противника обе армии оказались обескровлены, потеряв почти все танки и двадцать одну тысячу человек убитыми и сорок семь тысяч ранеными.

Задача, поставленная перед корпусом, повторю, не имела простых решений. Находившаяся перед нами немецкая оборона была развитой и устоявшейся, и взломать ее в лоб без массированного применения крупнокалиберной артиллерии было невозможно. Массированного – в смысле того самого «жуковского»: «200 орудий на километр фронта». Причем не каких-нибудь трехдюймовок, а 122-мм М-30 и 152-мм МЛ-20, вкупе с гвардейскими реактивными минометами РС-13.

По самым скромным прикидкам, для двух прорывов (каждый в полосе не менее десяти километров) требовалось около четырех тысяч орудий и тысяча полторы гвардейских минометов. На данный момент, после потерь лета 1941 года, такая концентрация крупнокалиберной артиллерии в одном месте была нереальной. В случае же, если такое количество артиллерийских и реактивных полков РВГК все же удастся сосредоточить на указанных направлениях, немецкая авиаразведка, скорее всего, установит нашу артгруппировку, после чего Гальдеру и его помощникам в ОКХ сразу станет ясен замысел нашей операции. А это нежелательно.

Кроме того, наученные опытом наших зимних операций против группы армий «Север» немцы стали особо старательно укреплять свои позиции в полосе, прилегающей к железнодорожным магистралям. Крупнокалиберные железнодорожные транспортеры и поезда, составленные из платформ с установленными на них направляющими для запуска РС-13, произвели на немцев неизгладимое впечатление. Теперь повторить наши псковские подвиги вряд ли удастся. В таких условиях прорыв в полосе железной дороги возможен лишь в том случае, когда там будут перекопаны артиллерией все вражеские укрепления на два метра вглубь, или залиты сплошь напалмом, как было при авианалете на Невель.

Все эти соображения я высказал вчера, когда, оставив батальон на Петю Борисова, на одну ночь слетал в Москву, чтобы доложить результаты рекогносцировки на Брянском фронте самому Верховному. Кроме него, на Ближней даче присутствовали Берия и Василевский.

Наш командир в это время буквально разрывался между Челябинском, где шло налаживание производства танков Т-42 и тяжелых 152-мм САУ на их шасси, Сталинградом, где делали БМП-37, 122-мм САУ, а также 23 мм ЗСУ и Горьким (в наше время Нижним Новгородом), где для корпуса должны были срочно изготовить партию полноприводных ЗиС-5МА, с изменениями в конструкции, навешанными автотехникой из будущего. Бережного замещал начальник штаба корпуса, полковник Ильин, который вошел к Сталину полковником, а вышел генерал-майором. Кстати, всем нам Указом Президиума Верховного Совета были присвоены очередные воинские звания. Так, я стал майором, Ильин – генерал-майором, а Бережной – генерал-лейтенантом.

Выслушав, мои соображения, Верховный немного помолчал, а потом спросил:

– Товарищ Бесоев, вы что, считаете, что в настоящий момент нецелесообразно проведение Орловско-Брянской наступательной операции?

– Никак нет, товарищ Сталин, – ответил я, – операция эта целесообразна и необходима. Цель поставлена правильно, а вот средства могут быть использованы неверно. Можно, конечно, рассчитывать на пробивную мощь мехкорпусов нового типа. Но кому пойдет на пользу, если оба корпуса – и наш, и товарища Катукова – в результате проведения этой операции окажутся обескровленными, пусть даже и с достижением локального успеха? Не стоит забывать, что наступление на Брянск – это всего лишь увертюра к главным событиям летней кампании 1942 года.

– Согласен с вами в последнем утверждении, – сказал вождь, кивнув головой, и положив на зеленое сукно стола незажженную трубку, – это действительно всего лишь увертюра к летней кампании. Скажите, товарищи потомки, в данный момент у вас есть какие-нибудь соображения в применении верных, как говорит товарищ Бесоев, средств, для проведения этой наступательной операции?

– Есть, товарищ Сталин, – почти хором ответили мы.

– Ну-ну, потише вы! – сказал вождь, шутливо трясая головой, как будто ему в ухо попала вода. – совсем оглушили. Давайте по порядку. Начнем с младшего по званию. Говорите, товарищ Бесоев, а мы с товарищами Берия и Василевским вас послушаем.

Честь, как говорится, была высока, а ответственность велика. Но уж если в присутствии «Самого» раскрыл рот и сказал, что знаешь, как и что надо делать, то будь любезен, держи ответ за свои слова.

– Товарищ Сталин, – сказал я, немного волнуясь, – задача не имеет решения, если начать только фронтальное наступление. Немцы серьезно укрепили свои позиции, замаскировались, пристреляли свой передний край и густо его заминировали. Взять их без пробивания бреши в их обороне с помощью сильнейшего артиллерийского тарана у нас вряд ли получится. Тем более что необходимое количество снарядов крупного калибра для нашей артиллерийской группировки мы не сумеем обеспечить. Не пятнадцатый год, конечно, с его «снарядным голодом», но все же... Но у линии фронта две стороны. И на той стороне тоже есть наши люди. Я имею в виду партизан – как местных, орловско-брянских, так и рейдирующие соединения Ковпака, Сабурова, Федорова. Сейчас это два-три десятка тысяч человек, уже имеющих опыт войны в тылу врага и достаточно мотивированных для того, чтобы рисковать жизнью. Если их немного обучить, экипировать по-нашему, по-осназовски, вооружить новыми образцами средств связи, экипировки и вооружения (типа наших штурмовых автоматов под немецкий патрон и чем-нибудь вроде РПГ и РПО), то эти отряды превратятся в реальную боевую силу, причем там, где противник будет наиболее уязвим. Кроме того, надо будет учесть и панику, которая охватит местное немецкое начальство при мысли о том, что к ним в тыл незаметно проникла целая армия советских осназовцев. Это, естественно, не отменяет ни серьезную подготовку к наступлению с нашей стороны линии фронта, концентрацию артиллерии, танков и пехоты, ни действий по массовой дезинформации противника – например, имитации подготовки нашего наступления на харьковском направлении. Также, товарищ Сталин, было бы очень неплохо до предела затруднить работу немецкой разведывательной авиации, давая противнику увидеть лишь то, что мы сами захотим им показать.

– Очень хорошо! – кивнул Верховный, – я считаю, что идея товарища Бесоева превратить советских партизан в передовой отряд Рабоче-крестьянской Красной Армии в принципе верная и политически выдержанная. Теперь давайте заслушаем товарища Берия о наших поставках партизанам новых видов вооружения и экипировки. К мысли о стратегической дезинформации противника и противодействии его разведывательной авиации мы еще вернемся. Мы помним, какую пользу это принесло нам во время проведения минувшей зимней кампании. Мы вас слушаем, товарищ Берия...

«Лучший менеджер всех времен и народов», на которого, как мы помним, и была возложена вся деятельность по изучению и освоению достижений потомков, раскрыл большую красную папку.

– Товарищ Сталин, – сказал он, – мы вполне можем вне очереди обеспечить партизанские отряды так называемой осназовской экипировкой. Нет проблем и со штурмовой версией автомата ППШ, переделанного под парабеллумовский патрон. В штурмовых батальонах, куда, кроме ОСНАЗА, направляются такие автоматы, это оружие очень хвалят за удобство и надежность. Что касается совсем новых образцов, то прошел испытание и запущен в малую серию так называемый «клон» гранатомета РПГ-7Б. Мы сразу подумали, что не стоит замыкаться только на задачах ПТО, и дали задание на проектирование четырех типов надкалиберных гранат: кумулятивной, объемно-детонирующей, осколочно-фугасной и зажигательной с напалмом. С кумулятивными и объемно-детонирующими гранатами у наших инженеров пока выходит не очень, а вот осколочно-фугасные и зажигательные гранаты мы уже производим. По новым средствам связи пока ничего утешительного нет. Инженеры решают задачу получения кремния требуемой чистоты в промышленных объемах. Пока мы можем обеспечить партизан опытной партией более легких и компактных раций «Север-2М», созданных с использованием модульного принципа, печатных плат и пальчиковых ламп. На этом, товарищ Сталин, у меня все.

– Товарищ Берия, – сказал Верховный, – я попрошу вас завтра представить мне справку, чего и сколько вы сможете поставить партизанам к первому, на худой конец, к пятнадцатому мая. Усиление партизанских соединений и взаимодействие их с механизированными корпусами ОСНАЗ поможет нам решить поставленную задачу. Товарищ Василевский, у вас есть какие-нибудь возражения?

– Никак нет, – ответил тот, – такой ход может оказаться весьма неожиданным для противника. Что же касается вопросов стратегической дезинформации, то мы сейчас пытаемся определить, на какой участок нашего фронта будет нацелена главная наступательная операция противника в будущей летней кампании. В ТОТ раз, после нашего неудачного наступления на Харьков, это был Юго-Западный фронт, на участке между Харьковом и Курском. Но сейчас, скорее всего, удары могут быть нанесены в стык между Юго-Западным и Южным фронтом в районе Днепропетровска. Если мы обозначим наши ложные группировки в районе Лозовой и Белгорода, нацеленные на окружение 6-й армии и освобождение Харькова (причем обозначим так, чтобы Брянское направление показалось противнику второстепенным), то, думаю, немцы на это клюнут. Товарищ Сталин, чуть позже я вам представлю план, в котором стратегическая дезинформация противника в ходе Орловско-Брянской наступательной операции будет включена составной частью, как один из этапов плана отражения летнего генерального наступления Германии на южном направлении. Также какое-то время противника можно будет вводить в заблуждение, имитируя присутствие обоих механизированных бригад ОСНАЗ на Прибалтийском фронте в районе Риги, то есть на максимальном удалении от места будущих событий.

Пусть пугаются, стягивают туда резервы и строят эшелонированную оборону. Человеческие и материальные ресурсы у Гитлеровской Германии тоже не бесконечны.

– Хорошо, товарищ Василевский, – сказал Сталин, – мы понимаем, что до того, как поступят данные о передислокации вражеских резервов, вы ничего не сможете сказать точно. Теперь по поводу возможных вариантов проведения Орловско-Брянской наступательной операции нам хотелось бы выслушать мнение товарища Ильина...

Генерал-майор Ильин кивнул.

– Я, в принципе, согласен с тем, что сказал майор Бесоев. Дезорганизация вражеского тыла – дело нужное и важное, так же, как и компания по дезинформации противника. Только хотел бы обратить ваше внимание на взаимодействие наземных войск и авиации. В РККА оно хромает, если не сказать больше. Так как немцы будут пытаться парировать наши удары действиями своей авиации, нам в первую очередь следует сразу найти на это адекватный ответ. Например, в виде смешанного авиакорпуса, подчиненного командованию фронта и работающего в интересах наступающих частей. И еще. Чтобы управлять действиями авиации, требуется иметь несколько радаров для непрерывного обзора воздушного пространства над фронтом и ближними тылами, и пункты наведения непосредственно в войсках. Потом, необходимы: истребительная авиадивизия, один или два полка ПВО, противодействующих вражеской авиации над полем боя и в ближнем тылу, один или два полка истребителей сопровождения, специальная эскадрилья свободных охотников. Для поддержки действий наземных войск в состав корпуса должны входить дивизия штурмовиков и дивизия пикирующих бомбардировщиков. Для воздействия на противника ночью можно привлечь один или два легкобомбардировочных ночных полка на У-2. Но, самое главное, все это должно быть нацелено на проведение основной операции, и не отвлекаться на решение второстепенных задач. Главным для командующего ВВС будет не дать раздергать корпус на эскадрильи или звенья. Успех в войне в воздухе заключается в массированном использовании авиации. Немцы это знают и умеют, и нам у них этому надо учиться.

– Ваш замысел понятен, – сказал Верховный, – артиллеристы, танкисты и пехота ударят врага с фронта, партизаны – с тыла, а сверху их будет прикрывать авиакорпус ОСНАЗ... Очень хорошо. Теперь, товарищ Ильин, я скажу вам, какой решающий фактор успеха операции вы хотели назвать во вторую очередь. Только мы поставили бы его на первое место. Вы хотели сказать, что товарищ Черевиченко, только что проваливший Болховскую наступательную операцию, как полководец совершенно не адекватен поставленной задаче. Ведь так?

– Так точно, товарищ Сталин, – прямо ответил генерал-майор Ильин, – именно такое мнение о товарище Черевиченко и его способностях как военачальника у меня сложилось после изучения его приказов, отданных во время проведения Болховской операции. И в нашем прошлом после своего отстранения от командования фронтом он уже никогда не назначался на командные посты фронтового уровня.

– Значит, мы друг друга правильно поняли, товарищ Ильин, – с едва заметной усмешкой сказал Сталин, – мы посоветуемся с товарищами и в ближайшее время решим, кто именно будет руководить наступательной операцией. На этом, товарищи, можете быть свободными. За исключением товарища Берия, которого я попрошу остаться.

После этого разговора сегодня утром я прибыл на У-2 из Москвы, а в обед в нашу часть прибывает Петр Вершигора, который в нашей истории стал легендарным партизанским командиром. Случайных совпадений в подобных делах не бывает – уж поверьте профессиональному разведчику-диверсанту. Или ждут нас грандиозный успех и победа, или не менее грандиозный провал – это и к гадалке не ходи. И старший лейтенант Петр Петрович Вершигора будет играть в этом деле далеко не последнюю роль.

18 апреля 1942 года, Полдень. Танкоград – Челябинский тракторный.

Генерал-лейтенант ОСНАЗ Бережной Вячеслав Николаевич

Затянутое дымами заводов весеннее небо Челябинска было мутно серым, и лишь кое-где сквозь серые клубы проглядывала ослепительная апрельская голубизна. Здесь на заводе, где производилась бронетехника для Красной Армии, сейчас формировались тяжелая самоходная бригада, танковая бригада, а также танковые батальоны механизированных бригад нашего первого гвардейского механизированного корпуса ОСНАЗ РВГК. Ведь в ТОТ раз советское командование замахнулось к лету 1942 года создать сразу пять танковых армий. Но немцы опять упредили в развертывании, и пришлось советским танкистам бить наступающего врага растопыренными пальцами. Вот поэтому сейчас, после окончательного обсуждения со Сталиным вопроса о формировании бронечастей, было принято решение для начала сформировать один, но полностью укомплектованный мехкорпус ОСНАЗ нового типа. Потом, применив его в ходе Орловско-Брянской операции, упредить немцев в развертывании, за счет чего оттянуть начало их летнего генерального наступления. А полученный выигрыш во времени использовать для комплектования еще одного-двух таких же мехкорпусов.

Полная готовность нашего корпуса – 1-е мая 1942 года. Сосредоточение на исходных рубежах операции или, в случае ее переноса, в запасном районе – 15-е мая. Ресурс ходовой части танков Т-42 и построенных на их шасси самоходных пушек-гаубиц МЛ-20, закаленных токами высокой частоты по методу профессора Шашмурина, превышал тысячу километров. Так что марш из запасного района на исходные позиции сам по себе не должен был привести к серьезным поломкам и выходу из строя матчасти.

Первой погрузилась в эшелоны и отправилась в путь тяжелая самоходная артиллерийская бригада под командованием теперь уже генерал-майора ОСНАЗ Искалиева Исы Шамильевича. Первый дивизион состоял из тяжелых самоходных гаубиц МСТА-С. Четыре остальных были укомплектованы СУ-152 (МЛ-20), которые ничуть не напоминали своих «тезок» из нашего прошлого, а скорее были похожи на более грубую версию самоходок 70-х годов 2С3, отличаясь от тех лишь отсутствием возможности кругового вращения башни. На СУ-152 башню можно было повернуть только на сорок пять градусов в обе стороны от оси машины. Однако были полностью сохранены углы вертикального наведения пушки-гаубицы в ее буксируемом варианте, – и это, по сравнению с тем, что было в нашем прошлом, выглядело настоящим прорывом.

Как я понял, схема «мехвод и двигатель продольно спереди – боевое отделение сзади» станет теперь стандартом для самоходных орудий всех классов и калибров. Скажу по секрету: местные товарищи для нужд береговой обороны по своей инициативе начали проектировать СУ-130 на базе морской пушки Б-13, по сути, позаимствовав схему у шашмуриной СУ-152. Ну и флаг им в руки; надеюсь адмирал Ларионов рассказал товарищу Кузнецову про комплекс «Берег».

Следующей после самоходчиков предстояло укомплектовать танковую бригаду под командованием полковника ОСНАЗ Николая Владимировича Деревянко. Все сто двадцать Т-42 для нее уже сошли с конвейера. Сейчас последние из них проходили обкатку на заводском танкодроме. День и ночь над полигоном рев и грохот. Танкисты гоняют танки, а полковник Деревянко гоняет танкистов. Обкатывается не только техника, но и люди. Новичков почти три четверти от списочного состава, а ведь завтра нам с ними в бой. Хорошо хоть, что народ бывалый, и от души жаждет покататься с героями панцерваффе за горячее лето 1941 года. Таких только надо притереть по месту, и дело пойдет.

Десяток танков после обкатки вернули в цеха на доработку, за что все начальники получили клизму со скипидаром пополам с патефонными иглками. График комплектования нашего корпуса лежит на столе у Верховного, которому мы подчиняемся напрямую, а результаты докладывают ему ежедневно. И качество при этом требуется не менее, чем количество. Советская система, так сказать, в действии.

На очереди у завода сейчас танки для только что укомплектованных личным составом танковых батальонов мехбригад. Самое время для карьерного роста: ротные выходят в комбаты не потому, что тех убили, а потому, что сама рота развертывается в батальон. Четыре танковых роты по примеру наших предстояло переформировать в восемь батальонов – но мы с этим, конечно, справились, разумеется, с помощью управления кадров ГАБТУ РККА. Четыре роты, прошедшие в составе бригады на Т-34 и КВ-1 от Перекопа до Риги, пополнили личным составом и направили на формирование четырех танковых батальонов танковой бригады. Еще четыре танковых батальона, которым предстояло войти в состав механизированных бригад, подлежали укомплектованию личным составом с нуля.

Я лично беседовал с новичками. Все командиры, наводчики и мехводы, поступившие для прохождения службы в мехбригаде ОСНАЗ, имеют боевой опыт, награды и ранения. Каждый из них хотя бы раз горел в танке. И каждый из них после Т-26, «бэтэшек», первых Т-34 и даже КВ буквально влюбился в Т-42, который казался им несокрушимо мощным и абсолютно надежным.

Роту на Т-72 из нашего времени я оставил в своем личном резерве. Исходный БК к ним, взятый из XXI века, у нас уже на исходе. А местную версию оперенных снарядов с отделяющимся поддоном вручную собирают своими тоненькими пальчиками девочки-фэзэушницы четырнадцати-пятнадцати лет от роду. И работают они сменами по двенадцать часов в сутки.

Были мы с ребятами-танкистами я на том заводе, так сказать, с экскурсией. За каждый собранный снаряд этим девочкам огромное спасибо, и расходовать эти боеприпасы на банальные «тройки» и «четверки» – просто преступление. Для техники из нашего времени ставятся теперь задачи только особой сложности и важности.

Из четырех мехбригад в Сталинграде полностью укомплектованы две. Там у нас сидит товарищ Брежнев. Все-таки он недурной организатор и толкач (не зря же стал в свое время Генеральным секретарем), и именно при нем в домаразменные времена СССР достиг пика своего могущества.

Механизированная бригада полковника ОСНАЗ Сергея Рагуленко погрузилась в эшелоны, и теперь движется... а куда она на самом деле движется, знают только Верховный и начальник Генерального штаба Василевский, которому я как-то объяснил принцип игры в

наперстки. В одну, а может, даже и не одну, сторону везут затянутые брезентом деревянные макеты и «левых» бойцов, изображающих экипажи и мотопехоту. По прибытии на место макеты разберут, а сопровождавшие их бойцы обернутся маршевыми стрелковыми ротами, направленными на пополнение местных частей. Призрак мехбригады ОСНАЗ растает в воздухе. В другую сторону, с техникой в закрытых вагонах, едет настоящая бригада, временно поменяв осназовский прикид на красноармейские гимнастерки и телогрейки. Скрытность паче гордости. Точно таким же порядком отсюда, из Челябинска, убыли и артиллеристы.

Если у Абвера есть агенты среди советских железнодорожников (наверняка есть), то после получения всех агентурных данных и попытки их анализа от зрелища кружащих по карте наперстков у адмирала Канариса наверняка крыша поедет. И воздушная разведка ему не поможет. Она увидит только то, что мы захотим им показать. Потом, конечно, адмирал получит сполна на очередном «правеже» у фюрера, но это уже не наши проблемы.

Следующая по порядку формирования механизированная бригада полковника Василия Владимировича Франка заканчивает на сталинградских полигонах обкатку техники и готовится к погрузке в эшелоны. Из Горького в районы сосредоточения тоже готовятся к выдвижению дивизионы самоходных 120-мм минометов и легкие противотанковые 57-мм САУ на шасси танка Т-70. Задерживается лишь комплектование тяжелой самоходной противотанковой бригады, оснащенной 100-мм противотанковыми самоходками. Орудия Д-10С только-только начали выпускать. Но до появления местных аналогов «тигров» и «фердинандов» наличие тяжелого ПТО является не критичным.

После нашего корпуса технику на заводах Челябинска, Горького и Сталинграда будет получать мехкорпус Каткова. За ним – мехкорпуса Лелюшенко и Рыбалко. Согласно принятому Ставкой решению, только закончив комплектование мехкорпуса ОСНАЗ, промышленность сможет переходить к производству техники для следующего соединения.

В любом случае основные события этого лета начнутся очень скоро, и приведут либо к перелому хребта фашистской Германии, либо к нашему поражению и еще одному году тяжелой войны. В тот раз, именно 12-го мая, началось злосчастное Харьковское наступление – плохо подготовленное, скверно организованное и скоординированное. В результате его провала немецкое командование сумело окружить Изюм-Барвенковский выступ вместе с наступающими частями. Полностью были уничтожены 6-я, 9-я, 57-я армии, и армейская группа генерала Бобкина. Южный и Юго-Западный фронт оказались ослабленными, в результате чего немецкое командование смогло упредить развертывание советских резервов и разгромить эти фронты.

Орловско-Брянская операция ни в коем случае не должна повторить тот печальный сценарий. Потому-то столько внимания уделяется действиям нашей разведки, а также сохранению тайны и дезинформации противника. Все же мы можем, когда захотим. И возьмемся за дело всерьез, а не тяп-ляп. Но я верю, что все будет хорошо. Наше дело правое, а значит, победа будет за нами!

20 апреля 1942 года, Утро. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего Иосиф Виссарионович Сталина.

Бывший и. о. верховного правителя России, бывший Главнокомандующий ВСЮР генерал-лейтенант Деникин Антон Иванович

Когда господин Верещагин сказал, что Сталин обязательно пойдет мне на встречу, я даже не ожидал, что эти слова когда-нибудь исполнятся так буквально...

Его секретарь открыл передо мной массивные двери самого известного кремлевского кабинета – и я увидел того самого «дядюшку Джо», который для одних был идиолом и иконой, а другие считали его исчадием ада. Точно так же раскололась и русская эмиграция. Одни наши соотечественники по призыву советского вождя вернулись в Россию, чтобы воевать с общим врагом, другие же пошли служить к Гитлеру в СС и вспомогательные части (как, например, последователи генерала Краснова). Я же придерживался средней позиции, не считая Сталина ни ангелом ни чертом, а лишь умелым и одаренным политиком, который делал свое дело так, как понимал и считал нужным.

Если бы у меня была возможность, то я бы всеми силами постарался уклониться от этой встречи, и из оккупированной немцами Франции поехал бы не в Советскую Россию, а, например, в Соединенные Штаты. Но визит лейтенанта Федорцова спутал мне все карты. Я увидел в нем посланца моей израненной Родины, которая зовет меня выбрать, с кем я в этой смертельной схватке с врагом, грозящим моей Родине полным уничтожением. Кроме того, мне тогда очень не хотелось угодить в немецкий концлагерь. А зрелище гестаповского офицера, упакованного в простыни и напоминающего египетскую мумию, вывело меня из равновесия своим сюрреализмом. Наверное, и нас с Ксенией и Мариной также могли вот так похитить и даже убить. Но вместо этого наши незваные гости просто попросили пройти вместе с ними, оставляя решение за нами.

По пути из Бискайского залива в порт Мурманск я много читал, добирая прочитанную информацию познавательными беседами с потомками. Их ясный и незамутненный взгляд на жизнь заставил меня еще раз задуматься над тем, против кого, или против чего, мы воевали в Гражданскую. По обе стороны фронта были как истинные патриоты России, так и те, кто был готов распродать ее первому желающему оптом и в розницу.

Не знаю, могло ли быть все по-иному, но итог той бессмысленной войны был катастрофичен. После победы красных Россия оказалась крайне ослабленной, и власть в ней захватили люди, которых даже большевики теперь считают мерзавцами и подонками. Человек, который стоит сейчас передо мной, принял у умирающего Ленина разрушенную и истощенную страну, и за двадцать лет неустанных трудов и забот превратил ее в державу, способную один на один устоять перед ударом объединенных сил всей Европы. Независимо от политической окраски его поступков и прочих оценок, это деянье, достойное лишь таких титанов, как Петр Великий.

– Здравствуйтесь, Антон Иванович, – нарушил наконец молчание мой визави, делая приглашающий жест рукой, – пусть мы с вами не так давно были врагами, но сейчас, надеюсь, это уже не так. Поэтому почувствуйте себя в СССР не пленником, но желанным гостем.

– Здравствуйтесь и вы, Иосиф Виссарионович, – в тон хозяину ответил я, – надеюсь, в этот тяжелейший для нашей Родины момент мы наконец забудем все то, что нас разделяет.

– Гражданскую войну пора заканчивать, – вдруг совершенно серьезно сказал Сталин, – конечно, этому мешают те из ваших друзей-эмигрантов, кто вместе с Гитлером отправился в поход на СССР, а также те из наших сограждан, кто изменил Советскому Союзу и пошел в услужение к фашистам. Но я думаю, что эта проблема в ходе войны решится естественным

путем. Вы уж извините, но миндальничать с изменниками и теми, кто снова поднял на нас оружие, мы не будем. Кто с мечом к нам пришел, от меча и погибнет.

– Я вас прекрасно понимаю, – так же серьезно ответил я, – и тоже полагаю, что пора зарыть топор войны. Те же из эмигрантов, кто вместе с немцами воюет против русских, не вызывают у меня ничего, кроме омерзения, пусть раньше мы даже и были с ними однополчанами. Господин Верховный Главнокомандующий, прошу принять мое прошение о зачислении в Красную Армию добровольцем и о направлении меня на фронт в любом чине, включая рядового солдата.

– Я рад, Антон Иванович, что мы с вами хорошо поняли друг друга, – кивнул Сталин, прищутив в усмешке свои тигриные глаза. – Пожелание мы ваше учтем, но есть мнение, что звание русского солдата хотя и почетно, но будет для вас несколько мелковато...

Сталин замолчал. Некоторое время он размеренно прохаживался по кабинету, а потом повернулся ко мне.

– Готовы ли вы принести присягу Советской России? – спросил он. – Подумайте как следует, Антон Иванович. Помните, что время анархии в Красной Армии давно кончилось, и теперь все ее бойцы и командиры подчиняются железной дисциплине. И в военное время за невыполнение приказов командования и измену Родине может быть только одно наказание... вы знаете, какое.

Он внимательно посмотрел на меня и добавил:

– Антон Иванович, если вы чувствуете, что не сможете служить и подчиняться новой власти, то вас здесь никто не держит. Вам будет обеспечено место на первом же пароходе, следующем с обратным конвоем из Мурманска в Соединенные Штаты Америки...

От последних слов я немного вспыхнул.

– Господин Верховный Главнокомандующий! – воскликнул я. – Я старый солдат, который не раз смотрел в лицо смерти. За моей спиной три войны, и я прекрасно знаю, что такое приказ и воинская дисциплина! Если я даю слово, то я его держу! Я не генерал Краснов, для которого честное слово – пустой звук!

– Успокойтесь, Антон Иванович, – сказал Сталин, подходя ко мне и примирительно взяв меня за рукав кителя. – Я хорошо знаю вашу биографию, и уверен, что даже при нелюбви к нашей власти вы не измените данному слову и не пойдете в услужение к тем, кто заливал кровью русских людей нашу землю. Что же касается вашего использования в качестве рядового, то это, конечно, несерьезно. Мы не разбрасываемся генерал-лейтенантами направо и налево. А если и разбрасываемся, то это означает, что это не генерал, а лишь поручик, случайно оказавшийся в генеральском мундире. Вы меня поняли?

– Мне понятна ваша мысль, – ответил я, – такие престарелые поручики в генеральских мундирах – неотъемлемая часть любой армии мирного времени во всех странах и во все времена.

– Даже так?! – усмехнулся Сталин. – Я запомню ваши слова. Но ведь вы сами были, как говорят историки, одним из самых успешных русских генералов прошлой войны. И не ваша вина, что все ваши победы не привели к победе всей русской армии.

Я отметил про себя, что советский вождь употребил выражение «русских генералов» вместо привычного для себя местоимения «царских» или «белых», и счел это хорошим знаком. Кроме того, приятно же, черт возьми, когда твой бывший противник отмечает твои достоинства.

– Благодарю за комплимент, – ответил я Сталину, – но должен заметить, что сейчас подробности Перемышльской операции, Брусиловского прорыва или взятия Луцка не вызывают практического интереса, ибо наступили другие времена, в ход идет другое вооружение, используется другая тактика. Тот, кто вздумает сейчас воевать, как в ту войну, будет разбит противником. Примером тому может быть поражение Франции в сороковом году, когда ее не спасла тактика времен маршала Фоша.

– И это тоже верно, – ответил мне советский вождь, прохаживаясь по кабинету. – Скажите, Антон Иванович, в ту прошлую войну вы начинали свою службу на фронте командиром стрелковой бригады?

– Так точно, господин Верховный Главнокомандующий, – ответил я, – вступил в командование 4-й стрелковой бригадой 3 сентября четырнадцатого года и командовал ею же, развернутой в дивизию, позже, в течении двух лет, вплоть до момента назначения на должность командующего 8-м армейским корпусом.

– Отлично, – кивнул Сталин, – есть у нас в Севастополе тяжелая штурмовая бригада, составленная, кстати, из ваших коллег-эмигрантов, применение которой в боях на территории СССР было признано нецелесообразным по политическим соображениям. Бригада обучена, оснащена и экипирована по нашим самым высоким стандартам. Сейчас, в связи с задержкой в ее боевом применении и появлением у нас новых образцов техники происходит ее ускоренная механизация. Есть мнение назначить вас командиром этой бригады. Возьметесь?

– Так точно, господин Верховный Главнокомандующий! – ответил я, и тут же поинтересовался: – А как же быть с обязательными в вашей армии комиссарами? Боюсь, что не уживусь с этими людьми...

– За это не беспокойтесь, – кивнул мне Сталин, – комиссаром, или, как у нас сейчас говорят, замполитом бригады будет назначен Александр Васильевич Тамбовцев, который до сего момента отвечал за ее комплектование и обучение. Если ваше согласие окончательно и бесповоротно, то я сейчас же распоряжусь, чтобы вам немедленно оформили все документы и как можно скорее вместе с семьей доставили в Крым. Все прочее вам разъяснят на месте.

По этим словам я понял, что аудиенция закончена, козырнул и сказал:

– Разрешите идти?

После утвердительного кивка я вышел из кабинета советского вождя. Впереди меня ждала еще одна, уже четвертая по счету, война.

22 апреля 1942 года. Утро. Восточная Пруссия.

Объект «Вольфшанце», Ставка фюрера на Восточном фронте.

Присутствуют:

Рейхсканцлер Адольф Гитлер

Рейхсмаршал Герман Геринг

Главнокомандующий кригсмарине гросс адмирал Эрих Редер

Командующий подводным флотом контр-адмирал Карл Дениц

Гауптштурмфюрер Отто Скорцени

– Мой фюрер, – торжественно, словно метрдотель, объявляющий о подаче фирменного блюда, возвестил Геринг, чья необъятная туша была увешана орденами как рождественская ёлка игрушками, – люфтваффе готово к операции «Morgendämmerung» («*Утренняя заря*»), по высадке десанта на Фарерские острова. На аэродромах в районе Бергена сосредоточены полностью укомплектованные две бомбардировочных эскадры дальних бомбардировщиков He-111H5, одна эскадра пикирующих бомбардировщиков Ju-87D и одна истребительная эскадра, укомплектованная самыми новыми самолетами Fw-190A3. Так как незаконченный аэродром, который англичане строят на острове Воар, имеет еще недостаточную длину взлетно-посадочной полосы (чуть больше полукилометра), прямо на Фарерских островах пока смогут базироваться только пикирующие бомбардировщики и истребители. Но мы там быстро приведем все в порядок. Для высадки воздушного десанта посадочным способом нами уже приготовлены тридцать шесть самых больших в мире планеров Me-321 и двенадцать самолетов-буксировщиков He-111Z1 «Zwilling»...

– Постойте-постойте, Геринг! – оживился Гитлер, которого просто обурежала страсть ко всему гигантскому. – He-111Z1 – это, кажется, большой такой буксировщик для планеров, изготовленный из двух бомбардировщиков He-111, соединенных общим крылом?

– Да, мой фюрер! – ответил тот. – К сожалению, таких самолетов у нас всего дюжина, и нам придется использовать их в три приема. В первой волне они перебросят к цели тысячу триста десантников и два танка Т-II, во второй и третьей волнах, с интервалом в шесть часов, на острова будет доставлено все необходимое для организации обороны островов в течении первых двух суток, пока к нам на выручку не подойдет флот.

Рейхсмаршал немного соврал. Дело в том, что максимальная взлетная масса американского четырехмоторного бомбардировщика Б-17 была на тонну больше, чем у вдвое тяжелее немецкого летающего уродца. И эта деталь делала понятными взаимоотношения внутри верхушки рейха. Вот и сейчас Геринг выставил на передний план люфтваффе и походя швырнул горсть дерьма в адмирала Редера. Причем сделал он это чисто рефлекторно, ибо в их среде так было принято. Интриговали нацистские бонзы много, со вкусом и большим мастерством.

Гитлер проглотил наживку вместе с крючком и бросил косой взгляд на командующего немецким надводным флотом:

– Скажите, Эрих, почему бы вам не провести свою операцию одновременно с высадкой десанта с воздуха?

– Мой фюрер, – был вынужден объяснять Редер, – германский флот в последнее время понес огромные потери. Но, в отличие от люфтваффе, его невозможно пополнить за месяц или за два. Кроме того, выход больших кораблей со своих баз немедленно будет обнаружен английской разведкой. Не забывайте, что самолет летит к цели два часа, а кораблю, даже самому быстроходному, чтобы из Бергена дойти до Торсхавна, нужны почти сутки.

– Не оправдывайтесь, Эрих, – махнул рукой Гитлер. – Германия построила вам мощный флот, снабдила его умелыми и храбрыми моряками, а вы растратили его по пустякам. Где наши линкоры, где «Бисмарк» и «Тирпиц», где «Шарнгорст» и «Гнейзенау»? Похоже, что отдых в «отеле Моабит» не пошел вам на пользу. Да, и скажите спасибо следственной комиссии, которая не нашла вашей вины в гибели «Тирпица». Но если эта череда неудач продолжится, то мы снова можем вернуть вас в ваш «номер», который пока пустует. Только теперь уже навечно. Рейху не нужны неудачники. Вы меня поняли, Эрих?

– Да, мой фюрер, – ответил побледневший Редер, – я вас понял.

– Вот и замечательно, – кивнул Гитлер, – что там у вас сейчас в Бергене – «Хиппер», «Лютцов» и «Адмирал Шеер»?

– Да, мой фюрер, – кивнул Редер.

Гитлер погрозил ему пальцем.

– Смотрите, Эрих – это все, что у вас осталось, кроме несчастного «Принца Ойгена», запертого в Бресте. Сразу же – вы слышите – сразу же, как только рейхсмаршал Геринг захватит для вас Фареры, направляйте все три этих крейсера в Атлантику, чтобы они вдоволь побили горшки на англосаксонской кухне. Как только поднимется шум, пусть «Принц Ойген» тоже вылезает из своей Брестской берлоги. Он там явно засиделся. К тому же лимонникам будет не до него. Надо поднять как можно больше шума. Англия должна быть поставлена перед фактом, что мы ее переиграли, и пора если не капитулировать, то заключить с Германией сепаратный мир.

Гитлер повернулся к Деницу.

– Вы, Карл, тоже не оставайтесь в стороне. Если близко подходить к русским берегам стало опасно, то возьмите под прицел ту же Исландию, черт ее побери. Как только ваши лодки смогут базироваться на Фарерских островах, расстояние, которое им нужно будет проходить до главной арктической американо-большевистской коммуникации, сократится вдвое.

– Мой фюрер, – сказал Дениц, – мои бородатые мальчики не останутся в стороне. Готовы к заброске на подводных лодках группы диверсантов, которые будут помогать ориентироваться пилотам наших доблестных люфтваффе, а также окажут помощь десанту в первые, самые тяжелые минуты высадки.

– Это хорошо, Карл, что вы проявляете инициативу! – воскликнул Гитлер. – Было бы просто прекрасно, если все так же серьезно относились к своим служебным обязанностям. Но этого, как видно, всем не дано. Мы давно заметили, что чем дороже вооружение, тем менее эффективно оно используется.

– Мой фюрер, – сказал Геринг, ловко воспользовавшийся моментом, чтобы вставить свои пять копеек, – разрешите представить вам командира передового десантного отряда гауптштурмфюрера СС Отто Скорцени. Он имеет опыт тайных операций, а на Восточном фронте награжден за участие в боевых действиях Железным крестом 2-го класса. Рейхсфюрер рекомендовал этого человека для того, чтобы на англичанах отработать будущие спецоперации на Восточном фронте. Десант на большегрузных планерах – это целиком и полностью его идея. И я глубоко сожалею, что у нас не хватает самолетов-буксировщиков, чтобы перебросить все в один прием.

– Подойдите ко мне, – Гитлер жестом подозвал к себе Скорцени, который стоял по стойке «смирно», держа в левой руке большой чемодан, – покажите-ка, что это вы принесли?

Чуть покраснев, будущий супердиверсант Рейха положил на стол чемодан и отщелкнул замки.

– Мой фюрер, – сказал он, – с недавних пор на Восточном фронте у русских солдат стали встречаться совершенно оригинальные образцы вооружения, по которым можно было сделать вывод, что большевики взяли на вооружение тактику штурмовиков прошлой войны. К рейхсфюреру регулярно поступали рапорты и донесения о стычках частей Ваффен-СС с русскими штурмовыми подразделениями. Как только я вышел из госпиталя, мне, как временно не годному к боевой службе, было поручено заняться этим вопросом. Недели две назад под Ригой к нам вместе со всей своей экипировкой перебежал солдат такого штурмового батальона. Причины, заставившие его сделать это, не столь важны. Важно то, что он принес вместе с собой. Думаю, что вам, мой фюрер, как старому солдату штурмовых частей Великой войны, будет интересно взглянуть на это...

Скорцени откинул крышку чемодана, демонстрируя Гитлеру товар лицом. Там, упакованные с чисто немецкой аккуратностью, лежали: штурмовой автомат ППШ-42, калибра 9-мм, разгрузочный жилет, заполненный магазинами и гранатами, обтянутая тканью каска, малая саперная лопатка с ремнем, на котором висел финский нож в ножнах.

– Вы правы, гауптштурмфюрер... – пробормотал Гитлер, склонившись над чемоданом, – это действительно интересно! Скажите, а что стало с тем перебежчиком? Вы его случайно не расстреляли? Предавший единожды предаст и снова – славяне, они все такие – запомните это, Отто.

– Нет, – пожал плечами Скорцени, – командир нашего подразделения, убедившись, что это просто дурак и трус, передал его людям Канариса для дальнейшей разработки. А вот штурмовую экипировку мы Абверу не отдали.

– Это правильное решение, – сказал Гитлер, расстегивая пуговицы на пиджаке. – Карл, Эрих, помогите мне примерить это...

Через несколько минут фюрер стоял в своем кабинете, полностью экипированный в прикид советского спецназовца, и вертел в руках саперную лопатку.

– Скажите, Отто, а зачем русским штурмовикам лопата? – спросил Гитлер. – Они что, так много роют?

– Нет, мой фюрер, – ответил Скорцени, – этой лопатой они убивают немецких солдат. Посмотрите, как отточено лезвие... Как бритва. Говорят, что в тесноте окопа или во время боя в помещении в руках опытного солдата лопатка – страшное оружие, не менее опасное, чем винтовка со штыком. Ну а в случае необходимости ею действительно можно отрыть небольшой окоп или могилу.

Гитлер молча кивнул и, отложив лопату в сторону, в полной тишине взялся за автомат.

– Обратите внимание, мой фюрер, – нарушил тишину Скорцени, – большевики теперь используют немецкий калибр – девять миллиметров. Автомат приспособлен под парабеллумовский патрон.

Гитлер вскинул голову и посмотрел на Скорцени.

– Отто, я жду от вас подвига! – напыщенно воскликнул он. – Мне нужна победа, и только победа! Я знаю, что для тебя и твоих бойцов нет ничего невозможного. А я обещаю вам, что германская промышленность даст вам вооружение лучше, чем у русских. У вас будет самое лучшее в мире немецкое оружие!

Потом он повернулся ко всем присутствующим.

– Сделайте все, что в ваших силах, но в любом случае к середине мая Фарерские острова должны стать нашими. До начала летней кампании этого года Англию необходимо полностью и окончательно выбить из войны.

23 апреля 1942 года. 23:05. Сталинград, станция Гумрак

Подполковник ОСНАЗ Сергей Александрович Рагуленко

Конец апреля в Сталинграде – это уже настоящая весна. Западный ветерок доносит до нас одуряющие запахи полыни и цветущей степи... Забыть бы сейчас о войне, и пойти прогуливаться под луной и звездами с симпатичной девицей, предварительно набросив на ее плечи свой утепленный китель.

Но запахи цветов смешиваются с соляровым угаром, а ночь наполнена не девичьим шепотом и стрекотанием кузнечиков, а командами, солдатским ядреным матом и ревом тяжелых дизелей. Родная стихия... Мы с Леной Брежневым стоим на пригорочке и наблюдаем за погрузкой моей бригады в эшелоны. Наша 2-я гвардейская механизированная бригада ОСНАЗ готовится к отправке в район сосредоточения. Где это – не наше дело, узнаем, когда наш «папа» – Бережной будет ставить нам задачу. Вообще-то наш комиссар нормальный мужик, и, между прочим, вполне не дурак выпить и пройтись по бабам.

Бабы, кстати, как и девушки, в окрестностях Сталинграда тоже имеются. От налетов с воздуха станцию прикрывает зенитно-артиллерийский полк с исключительно дамским личным составом. Может быть, это тот самый полк, что в нашем прошлом ценой собственной жизни задержал прорыв немецких танков у Латошихи. А может, и не тот... Если разобраться, то не это важно. Главное то, что за этих девочек, надевших на себя солдатские гимнастерки и юбочки, сапоги и ботинки с обмотками, которые им явно не по размеру, мы готовы перестрелять всех немцев, которые попадутся на пути.

А пока соблазн велик. Рослые и невысокие, пухленькие и худенькие, грудастые и не очень, блондинки и брюнетки – вчерашние школьницы-десятиклассницы того самого знаменитого выпуска сорок первого года и студентки, бросившие свои филфаки и биофаки ради того, чтобы отправиться на фронт... Все они одновременно и бойцы Рабоче-крестьянской Красной Армии, и дочери праматери Евы, которым хочется даже в военное время вспомнить, что они женщины, которым природой дано любить и быть любимыми. Тем более что от слова «ОСНАЗ» и позвякивающих медалей и орденов девичьи сердца тают как мороженое прямо в руках, только успевай облизывать пальчики.

Мои ребята тоже не железные, и на них так же, как на девушек-зенитчиц, действует весна, и им тоже хочется обычных человеческих чувств и немного счастья. В бригаде примерно полторы тысячи бойцов, и у каждого свой путь на этой войне. Пусть сейчас даже со спины легко можно отличить новичков от бывалых ветеранов, прошедших с нами весь боевой путь от Евпатории до Риги, но и любой из новичков тоже чего-то стоит: у каждого из них были бои, окружения, раны, госпитали, боевые награды, которые в эти годы давали весьма скупое. Необстрелянных бойцов и командиров в нашем пополнении нет. Нет среди наших новичков и полуграмотных колхозников, для которых трехлинейная винтовка Мосина – это уже «чудо-оружие». Большей частью это молодые, в недавнем прошлом городские мальчишки восемнадцати-двадцати лет, в своей жизни никого еще не целовавшие и не любившие. Сейчас мальчикам хочется на танцы, да и девочкам хочется того же. Но мальчишки пойдут на войну, и могут там погибнуть... Ведь даже в ОСНАЗе, несмотря на всю нашу технику и тактику, бывают потери, и мне тоже приходилось (да еще, эх, придется не раз) писать похоронок. Чудес на свете не бывает: потери можно уменьшить, но совсем обойтись без них невозможно.

Быть может, утрата этого первого советского поколения – молодых парней двадцатого-двадцать третьего годов рождения, из которых уцелело всего три процента – и оказалась позднее через пятьдесят лет на судьбе СССР? Чем больше их дойдет до Победы, чем быстрее она наступит, тем легче будет предотвратить то, что в нашей истории называлось «девяностыми».

Не надо быть академиком, чтобы понять то, что судьба мира решится этим летом. Родина дала нам лучшую, самую новую технику, какую только могла произвести тогдашняя советская промышленность. БМП-37 вполне на уровне БМП-2 из нашего прошлого – рабочая лошадка войны, пригодная как для быстрых прорывов, так и для поддержки пехоты в активной обороне. Стоит местным только хоть чуть-чуть распробовать, и они влюбятся в эту машину раз и навсегда.

Да и САУ на ее базе с гаубицей М-30 даст сто очков вперед СУ-122 из нашего варианта истории. О ЗСУ 23-4 я вообще молчу. Конечно, это еще далеко не «Шилка» с ее автоматикой наведения, но и немецкий «эрликон» ей не конкурент. Думаю, что люфты, встретившись с этой штукой на поле боя, сильно удивятся. Конечно, если успеют.

Новых танков, как и тяжелых САУ на их базе, я еще не видел. Но думаю, что и они вряд ли хоть чем-то хуже той техники, что поступила на вооружение механизированных бригад.

А сейчас в приглушенном свете фар и прожекторов механики-водители поднимают технику на рампу, загоняют на платформы, крепят. Потом подъемный кран надевает поверх САУ или БМП деревянный чехол, имитирующий четырехосный деревянный грузовой вагон (или, в просторечии, теплушку). Немецкой воздушной разведке совершенно необязательно знать, кто и куда едет. Бойцы работают быстро, но без суеты. Расчет времени был сделан с запасом, и когда погрузка закончится, то до часа, когда эшелоны бригады начнут покидать станцию, у нас еще останется некоторое количество времени. Ефрейторский зазор, однако.

Вот в расположении первого батальона, закончившего погрузку раньше всех, при неярком свете фонариков и небольшого костерка заиграл плеер кого-то из попаданцев. Потом мотив подхватила гармошка. Кто-то запел. Как мотыльки, летящие на огонек, одна за другой на звук гармошки потянулись зенитчицы. А вот и танцы...

Мы с Брежневым переглянулись. Он тяжело вздохнул.

– Леня, – сказал я, – наверное, было бы неправильным лишать людей этого маленького праздника. Поэтому тебе сейчас, как комиссару, лучше всего возглавить и направить то что невозможно победить. Пока еще есть время и нет тревоги, пусть парни повеселятся. И при этом будет лучше, если комиссар не будет возражать, а присоединится к веселящемуся народу, ну и проследит заодно, чтобы все было культурно и не произошло ЧП.

– Понятно... – сказал Брежнев, одним глазом косясь на мечущиеся у вагонов тени. – Ну а ты-то как?

– А бедный старый подполковник Слон, – ответил я, – сейчас пойдет по другим батальонам и будет подгонять отстающих, чтобы не шлаговали, а скорее заканчивали и честно присоединялись к веселью. Как говорили древние, командиру – командирово, а комиссару – комиссарово.

Кивнув, будущий Леонид Ильич отправился руководить и направлять, а я двинулся совсем в другую сторону, чтобы подгонять и стимулировать. Для несведущих скажу, что стимул – это такая острая палка, которой римляне кололи ослов, чтобы те побыстрее пошевеливались.

Вскоре к веселью присоединился закончивший работы второй батальон, за ним третий, четвертый, потом артдивизион. За это время стихийно начавшееся мероприятие под чутким и умелым руководством комиссара Брежнева переросло в нечто среднее между сельской дискотеккой нашего времени и митингом. Пели, плясали, говорили речи, потом снова пели и плясали. Некоторые парочки после спринтерского знакомства при свете фонариков наскоро обменивались номерами полевых почт, а другие по-тихому, пока у еще оставалось время, целовались и обжимались в темных углах. В этот момент всем казалось, что все будет хорошо, что война закончится, и они еще встретятся, чтобы жить-поживать, да добра наживать.

По счастью, никакие люфты этой ночью нас не потревожили, и девочкам не пришлось мчаться к своим зениткам, а нам поднимать по тревоге наш зенитный дивизион (машины кото-

рого, единственные из всей нашей боевой техники, перевозились открыто, по три штуки на эшелон) и распечатывать и тратить неприкосновенный запас «Стрел».

За два часа до рассвета на станцию подали первый паровоз. Выкрики ротных, собирающих своих людей, судорожное движение воинских масс, расстающиеся парочки, дающие друг другу клятвы встретиться «в шесть часов вечера после войны»... Лязг сцепок, протяжный гудок, слезы, поцелуи, крики прощания...

Бригада убывала на фронт.

25 апреля 1942 года. Вечер. Орловская область, Навлинский район. Лесной массив в 20 км южнее станции Выгоничи. Временная база Сумского партизанского соединения под командованием Сидора Артемьевича Ковпака

Смеркалось. Конец апреля – благословенное время, когда уже достаточно тепло, но тучи комаров еще не поднимаются с окружающих лес болот, озер, речек и стариц. Их время еще не пришло. Тут, на левом берегу Десны, в междуречье впадающих в нее Ревны и Речицы, и остановилось для временного базирования Сумское партизанское соединение Ковпака, только что завершившее свой рейд по Сумской, Курской, Орловской и Брянской областям. По степени опустошения тылов противника соединение Ковпака сильно уступало ордам Аттилы и Чингисхана, но, говоря военным языком, снабжению 6-й и 2-й немецких армий был нанесен значительный ущерб.

А история эта начиналась так. В начале февраля где-то в окрестностях Конотопа разведчики Путивльского партизанского отряда Сидора Ковпака столкнулись на узкой лесной дорожке с разведывательно-диверсионной группой старшего сержанта ОСНАЗ Ерохина из недавно созданного Центра Специальных Операций при ГРУ ГШ.

Это были дни, когда в немецком тылу царил сумятица после того, как советским диверсантам удалось выкрасть Гейдриха и Клюге, и каждый день (точнее, каждую ночь) в оперативном немецком тылу на парашютах сбрасывались все новые и новые группы выпускников спецшколы майора Гордеева. Все они были укомплектованы примерно одинаково: отделение десантников, прошедших краткий двухнедельный курс обучения, возглавляемое старшим сержантом или лейтенантом, рация, сапер, два пулемета ДП или трофейных МГ-34, самозарядные винтовки СВТ-40 и автоматы ППШ-41. Радисты РДГ были предельно лаконичны, больше слушали, чем говорили. У германского Функабвера создавалось впечатление леса, полного жужжащих комаров. Радист проводит в эфире не больше минуты, и запеленговать его было практически невозможно. А по части стойкости кодов советская школа шифрования далеко опередила и немцев, и англичан с американцами, и японцев.

Иногда эти РДГ гибли в неравном бою, выбрав себе цель для диверсии не по возможности, или же становились жертвами предательства иуд из числа местных жителей. Но чаще все было иначе. Выброшенные в немецкий тыл советские разведчики-диверсанты становились глазами и ушами Ставки ВГК и Генштаба во вражеском тылу, головной болью для оккупантов и центрами кристаллизации партизанских отрядов, в основном состоящих из окруженцев и освобожденных из плена советских военнослужащих. Эти отряды в каком-то смысле не были чисто партизанскими. Фактически это были оперирующие за линией фронта части РККА, подчиненные все тому же Центру Специальных операций, а не Штабу Партизанского движения, возглавляемому товарищем Пономаренко.

Иногда такие рейдирующие группы подчиняли Центру Специальных Операций и уже действующие перспективные партизанские отряды, чтобы синхронизировать их действия с ударами Красной Армии и советской бомбардировочной авиации.

Так случилось и с соединением Ковпака, ставшим еще одним зафронтовым рейдовым соединением РККА. Рация и прямая связь со Ставкой, которые рейдирующие группы имели в обязательном порядке, обычно впечатляли командиров партизан и окруженцев «по самое не могу». Именно это и было целью и мечтой каждого мало-мальски успешного партизанского отряда. Чувствовать помощь и поддержку, поступающую с Большой Земли, понимать свое единство со сражающейся на фронте Красной Армией – такое дорогого стоит. Тем более добавляли авторитета рейдирующим отрядам и советские транспортные самолеты, регулярно сбрасывающие перешедшим в подчинение ЦСО отрядам оружие, боеприпасы, медикаменты и обязательно свежую советскую прессу. Именно поэтому Начальник Генерального Штаба Василевский так легко согласился с предложением майора ОСНАЗ Бесоева использовать для взлома долговременной вражеской обороны специальные соединения, действующие во вражеском тылу. Инструмент для такой операции уже фактически был создан, и доведение его «до ума» было лишь делом времени и определенных усилий. Теперь же это время пришло.

Партизаны отряда Ковпака устали после трехмесячного рейда, прошедшего в непрерывных боях, диверсиях, налетах на вражеские тыловые объекты. Соединение было перегружено обозом, ранеными, женами и детьми партизан. К весне сорок второго года немецкие оккупационные власти, ГФП и пошедшие на службу к врагу полиция уже целенаправленно охотились за семьями партизан, и особенно командиров. Остаться в своих домах им становилось небезопасно.

Сюда же, в брянские леса, отряд пришел по приказу командования: отдохнуть, привести себя в порядок и, организовав аэродром, переправить на Большую землю раненых, женщин и детей, сковывающих маневренность партизан.

Последней операцией ковпаковцев стал ночной налет на железнодорожную станцию Навля, произведенный во взаимодействии с бомбардировщиками Брянского фронта.

Сперва два десятка «пешек», ориентируясь на выпущенные партизанами сигнальные ракеты, прицельно отбомбились по станции, применяя среди прочих и наводящие ужас на немцев напалмовые бомбы. Когда в ночной тьме во все стороны полетели брызги жидкого огня, немецкий гарнизон станции в панике заметался. И тут с трех сторон в Навлю ворвались роты Карпенко, Кульбаки и старого партизана Корниенко, тут же принявшись вручную устранять все «недоделки». Взорванные стрелки и поворотный круг, разрушенная водокачка, испорченные пути... Дней десять потом немцы не могли возобновить движение по этой ветке.

Разъяренные венгерские каратели, преследовавшие отряд Ковпака, нарвались на засаду, и были с потерями отбиты при попытке войти в непролазные брянские леса. Теперь они пытались обложить отряд, занимая деревни, расположенные по периметру леса, и готовясь отразить попытку прорыва ковпаковцев. Для неопытного наблюдателя могло показаться, что партизанский отряд обречен, обремененный ранеными и теми, кого принято было называть «некомбатантами».

В непролазной болотистой чащобе не было ни одной мало-мальски подходящей площадки даже для того, чтобы принять легкий связной У-2. Единственная открытая поляна имела размер сто на двести метров, кочковатую поверхность, и была окружена густым высоким лесом. Тем не менее радиограмма, полученная радистом группы старшего сержанта ОСНАЗ Ерохина, недвусмысленно гласила: «В ночь с 25 на 26 апреля обеспечить прием бортов с грузом медикаментов и снаряжения. Подготовить к вылету на Большую Землю раненых, членов семей бойцов и командиров, числом до ста человек. Сигнал приема – пять костров конвертом».

– Сэмэн, – сказал Сидор Ковпак своему комиссару Рудневу, – ты шо-нибудь розумиешь? Як воно к нам садиться-то будэть – воно муха чи воробей? Тут же и ас, Герой Советского Союза, убьется!

Семен Руднев, пожимал плечами, крутил черный ус и ничего не отвечал. А старший сержант Ерохин лишь посмеивался, глядя на недоумение знаменитого партизанского командира, чье имя уже было хорошо известно немецким тыловикам и сотрудам ГФП.

– А ты шо ржешь, яки конь, бисов сын? – обратил наконец внимание на Ерохина Ковпак, – если чого маешь, так возьми и скажи!

– Да мы, Сидор Артемьевич, – ответил Ерохин, – люди маленькие. Не настоящий ОСНАЗ, а так. Двухнедельные курсы – и вперед, за линию фронта. Время было такое, что дорога была ложка к обеду. Сейчас, наверное, нашего брата и получше готовят. Сам не видел, а слышать слышал. Есть, говорят, такой аппарат, которому аэродром не нужен. Прямо вниз спустится и так же поднимется.

– Брехня... – неуверенно сказал Ковпак, оглядываясь на Руднева. – Что скажешь, Сэмэн?

– Брехня не брехня, Сидор Артемьевич, но костры готовить надо, – задумчиво ответил тот. – Приказ есть приказ. И на всякий случай людей в лес подальше от поляны надо отвести, а то мало ли что... Кого назначим?

– Тю! – сказал начальник штаба Базыма, – назначим Карпенко, он же у нас десантник, специалист по аэродромам. А остальных людей и в самом деле лучше отвести в лес, от греха подальше.

26 апреля 1942 года. Утро. Севастополь. Штаб тяжелой штурмовой бригады.

Замполит бригады капитан Тамбовцев Александр Васильевич

Вчера вечером из Москвы к нам со всей своей семьей принимать командование бригадой прибыл генерал-лейтенант Деникин. Тот самый, который Антон Иванович. Честно говоря, я и не предполагал встретиться со столь известной личностью. Уж как-то он не вписывался в эту реальность. И пусть моя бригада, за исключением технических специалистов, почти целиком состояла из «бывших», но чтобы сам бывший И.О. Верховного правителя России пожаловал – это было что-то вроде появления снежного человека на Дворцовой площади...

От подобного гостя оторопь взяла очень многих: как его бывших соратников по белому движению, так и входящих в состав бригады бойцов и командиров Красной Армии. Это для нас

Гражданская война – что-то изрядно подзабытое, почти легендарное, а для людей сороковых годов еще свежи были воспоминания о великой Смуте и междоусобице.

Встрепенувшиеся было особы, однако, тут же увяли и приуныли, поскольку вместе с генералом прилетела грозная бумага от их наркома: дескать, глазами смотрите, а руками не трогайте, дело на контроле у Самого.

Кроме того, тем же самолетом, задержавшимся больше чем на двое суток в Ростове из-за грозы, привезли свежую прессу из Москвы. А там, в «Правде» за 21 апреля, на первой странице была большая статья о встрече Антона Ивановича с самим Верховным Главнокомандующим.

Устроив свою семью в предоставленную ему квартиру, генерал-лейтенант Деникин на следующее утро самолично явился в штаб бригады. И сразу же взял быка за рога. Он желал срочно ознакомиться с бойцами и командным составом бригады, командиром которой был назначен. И первым, кому он нанес визит, был я.

Крепкий еще семидесятилетний старик, властный и ершистый, он, к моему удивлению, довольно дружелюбно поздоровался со мной. Затем, немного помявшись, попросил меня поговорить с ним тет-а-тет.

– Видите ли, Александр Васильевич, – сказал он, внимательно посмотрев мне в глаза, – Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин дал мне все полномочия на командование бригадой, сформированной из бывших военнослужащих белой армии. Но я прекрасно понимаю, что бригада будет являться неотъемлемой частью Красной Армии, а потому, несмотря на то, что личный состав ее весьма своеобразный, в ней будут все положенные по штату должности, в том числе и мой заместитель по политической части. Верховный Главнокомандующий сказал мне, что «комиссаром» в моей бригаде будете вы, Александр Васильевич. Поэтому мне было бы весьма интересно узнать немного о вас и о том, какими вы видите взаимоотношения военнослужащих Красной Армии и солдат и командиров моей бригады...

– Я понимаю вас, – ответил я, – и постараюсь удовлетворить ваше любопытство. О себе я расскажу чуть позже, а вот про взаимоотношения между красными и белыми – позвольте мне называть вещи своими именами – мне хочется сказать особо. Вы, Антон Иванович, наверное, слышали о воззвании, с которым 22 июня 1941 года наследник «царя Кирилла I» (или, как он себя называет, великий князь Владимир Кириллович) обратился к своим русским «подданным»? – спросил я внимательно слушавшего меня генерала. – В этом воззвании великий князь Владимир Кириллович выступил с воззванием ко всей эмиграции, призывая поддержать вермахт в его «крестовом походе за освобождение православной Руси»...

– Мерзавец... – процедил сквозь зубы Деникин. – Похоже, стремление к предательству ему передалось по наследству. Весь в папу, который предал императора Николая Александровича еще до его официального отречения...

– Так вот, Антон Иванович, – продолжил я, – в тот же страшный для России день в Москве Местоблюстителем Патриаршего престола митрополит Сергей обратился с посланием ко всем прихожанам Русской Православной Церкви, благословив всех верных чад церкви к подвигу по защите Отечества.

– Каждый русский человек в тот день сделал свой выбор, – сказал Деникин, – только не каждый мог оказать реальную помощь своему Отечеству. Ну, а тот, кто пошел на службу врагу, будет проклят во веки веков.

– Да, – сказал я, – именно из тех ваших бывших товарищей, кто решил, рискуя жизнью, с оружием в руках защищать Родину, и сформирована наша бригада. И мне, как вашему заместителю по политчасти, приходится не столько поднимать боевой дух бойцов и командиров бригады, сколько сдерживать их и напоминать, что существует такая вещь, как воинская дисциплина, и что командованию Красной Армии виднее, когда и где ввести их в бой.

– Скажите, Александр Васильевич, – немного помявшись, спросил генерал Деникин, – правда ли, что в Советской России были уничтожены все бывшие высшие офицеры Российской Императорской армии, а также все представители аристократических семейств? Говорят, что если они и живы, то сейчас сидят в сибирских лагерях в ожидании смертного приговора...

Я улыбнулся. Страшилки, которые активно распространялись во Франции средствами массовой информации, подействовали даже на такого достаточно умного и критически мыслящего человека, как генерал Деникин.

– Антон Иванович, – сказал я, – вы, наверное, уже знаете, что еще в прошлом году в Красной Армии появились гвардейские части. Так вот, пятого апреля этого года гвардейского звания был удостоен минный заградитель «Марти». Кстати, это переоборудованная в боевой корабль бывшая царская яхта «Штандарт». И знаете, кто командует этим гвардейским кораблем?

Генерал Деникин покачал головой.

– Так вот, Антон Иванович: гвардейским минным заградителем «Марти» командует капитан 1-го ранга Николай Иосифович Мещерский. А точнее, Его Сиятельство князь Мещерский.

– Вот как? – удивленно сказал Деникин. – Я и не знал этого... Я, вообще, Александр Васильевич, многое не знаю из того, что творится сейчас в России. Надеюсь, вы можете мне расширить мой кругозор.

– В Советской России, – поправил я его. – И об этом, Антон Иванович, я попрошу вас не забывать. А помогать вам лучше узнать наши реалии – это моя прямая обязанность. Возвращаясь же к судьбам бывших русских офицеров и представителей аристократии, хочу заметить, что в Сталинграде на заводе «Баррикады» сейчас трудится, изготавливая оружие для фронта, инженер барон Михаил Михайлович фон Розенберг. В рядах Красной Армии воюет князь Леонид Давидович Багратион-Мухранский, в Ленинграде чинит поврежденные в боях корабли князь Юрий Юрьевич Хованский, а в одном из автобатов Красной Армии сидит за рулем полуторки Наталья Николаевна Андросова, урожденная княжна Искандер – между прочим, праправнучка императора Николая I. Как видите, невзирая на свои титулы и, что скрывать, на обиды, которые им пришлось претерпеть за свое происхождение, представители русских дворянских родов пошли защищать свою Родину. Ведь на нас на всех Россия одна – она наша мать, пусть порой и не всегда ласковая к своим сыновьям.

– Я полностью согласен с вами, Александр Васильевич, – взволнованно сказал генерал Деникин. – Нельзя считать себя русским человеком, и при этом служить тевтонам, которые намереваются захватить нашу Отчизну. Русские люди должны быть на стороне тех, кто борется с нашим общим врагом.

– Антон Иванович, – ответил я, – если бы, как вы говорите, тевтоны намеревались лишь завоевать Россию... Ведь речь идет о самом существовании нашего народа. Вы ничего не слышали о так называемом плане «Ост»?

Генерал Деникин покачал головой, показывая, что он не имеет даже представления о существовании этого людоедского плана.

– Так вот, Антон Иванович, – продолжил я, доставая из кармана своего кителя свой неразлучный блокнот. – Я позволю себе процитировать несколько выдержек из этого плана. Итак, согласно этому плану, после победы нацистской Германии территория России подлежала колонизации немцами, а местное население... – я перевернул страницу и прочитал слова рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера: – «Если учитывать, что на рассматриваемых территориях останется четырнадцать миллионов местных жителей, как предусматривает план, то нужно депортировать пятьдесят миллионов человек. Число подлежащих депортации жителей, установленное планом в тридцать один миллион человек, нельзя признать правильным». В этом плане подробно расписано, как поступать с каждым из народов, населяющих территорию нашей страны. Естественно, что главное внимание отведено русским. Вот что нас ожидает в случае победы Германии: «Дело заключается скорее всего, в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их. Только если эта проблема будет рассматриваться с биологической, в особенности с расово-биологической точки зрения, и если в соответствии с этим будет проводиться немецкая политика в восточных районах, появится возможность устранить опасность, которую представляет для нас русский народ...» И далее: «Прежде всего надо предусмотреть разделение территории, населяемой русскими, на различные политические районы... Народам, населяющим эти районы, нужно внушить, чтобы они ни при каких обстоятельствах не ориентировались на Москву, даже в том случае, если в Москве будет сидеть немецкий имперский комиссар...» «Мы должны сознательно проводить политику на сокращение населения...» «Следует пропагандировать... добровольную стерилизацию, не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не разрешать обучение матерей уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней».

Я взглянул на своего собеседника.

– Теперь вы понимаете, Антон Иванович, что мы сражаемся не только за свою свободу, но и за саму возможность сохраниться как народ?

Генерал, с едва сдерживаемым гневом слушавший высказывания рейхсфюрера СС, неожиданно вскочил со стула и рывкнул:

– А вот этого не хотите, господа тевтоны! – Он сложил пальцы правой руки в кукиш и помахал им в воздухе. Глаза его горели.

– Александр Васильевич, – сказал он, – большое вам спасибо за вашу политлекцию. Теперь для меня не осталось уже никаких сомнений: Красная Армия победит этих германских

вурдалаков, потому что за нами правда, и за нами Бог. И, как говорил наш великий предок император Петр Великий, «Аще Богъ по насъ, то кто на ны?»

– Антон Иванович, – сказал я разволновавшемуся генералу, – этим летом должно решится очень многое, и мы с вами по приказу Верховного тоже в этом, разумеется, поучастуем. Многих злодеев наши товарищи уже успокоили, дойдут руки и до палача Гиммлера. Хочу вам сообщить, что завтра на станцию Севастополь-товарная в наш адрес придет первый эшелон с новейшими для Красной Армии БМП-37. Что это, вы увидите завтра, скажу лишь, что наша бригада – не какая-нибудь «забытая деревня», а достаточно боеспособная часть, которая снабжается по высшему разряду, наравне с частями ОСНАЗ.

– Да, разумеется, – сказал генерал Деникин, вставая, – а теперь, Александр Васильевич, давайте посмотрим вместе с вами расположение бригады и поговорим с людьми...

26 апреля 1942 года. Вечер. Орловская область, Навлинский район. Лесной массив в 20 км южнее станции Выгоничи. Временная база Сумского партизанского соединения под командованием Сидора Артемьевича Ковпака

– Ну, шо скажешь, Сэмэн? – Ковпак задумчиво пошевелил небольшой, чуть тлеющий костерок длинным кривым дрючком.

– Это ты о чем, Сидор Артемьевич? – переспросил его Руднев, устало глядя в рдеющие угли.

– Та обо всем, – уклончиво ответил тот. – Об этом майоре из ОСНАЗа, о нынешнем ходе войны, та о новой политике партии. Даже генерал Деникин сейчас уже не белогвардейская сволочь, а свой человек и наш союзник в кровавой борьбе с гитлеровцами. А сколько мы с тем Деникиным тогда воевали? Сколько он у нас тогда крови выпил, гадина белогвардейская?

– Так то было тогда, – Руднев развел руками. – Сейчас совсем другое дело. Нынче политика партии такова, что тот из бывших беляков, кто против Гитлера, тому прощение и искупление в бою, а кто воюет за фашистов, того к стенке без суда и следствия.

– Это-то понятно... – вздохнул сидящий напротив Ковпака Базыма. – Весь вопрос в том, не размоем ли мы таким образом фундамент нашей советской власти?

– Думаю, что нет, – ответил Руднев, – поворот политики партии в отношениях с бывшими белогвардейцами ничем советскому строю не угрожает. Опасность заключается в другом: в самоуспокоении дутыми цифрами в отчетах, в бюрократизме и формализме отдельных товарищей и их бездушном отношении к людям. Прошлым летом мы все сами видели, к чему может привести такой подход к делу, когда даже товарищ Сталин в сердцах сказал, что мы по разгильдяйству чуть было не потеряли все завоевания Великого Октября.

– Да уж, – задумчиво почесал затылок Базыма, – тут крыть нечем. В нашей партизанской жизни такой формальный подход в первую очередь неприемлем. Или мы не видали таких командиров отрядов, что чувствуют себя в немецком тылу эдакими удельными князьями, и никто им не указ? Другие же бьются с врагом, не имея ни опыта, ни умения, и гибнут почем зря, и губят при этом людей.

– Товарищи командиры, – сказал Николай Бесоев, бесшумно подошедший к костру, – разрешите присоединиться к вашей честной компании?

– Присоединяйся, хлопче, – кивнул Ковпак, – да и сидай, где стоишь. Мы люди простые, в академиях не обучались. Вот смотрю я на тебя уже второй день, и никак не могу понять: чи ты наш, советский, чи иностранец какой?

– Товарищ Ковпак, – усмехнувшись сказал Бесоев, – о том, кто я такой и откуда взялся, во всех подробностях знают только товарищи Сталин и Берия. В отношении всех прочих лиц я давал подписку о неразглашении государственной тайны без особого на то разрешения товарища Верховного Главнокомандующего.

– Вот, значит как, хлопче? – задумчиво сказал Ковпак, закончив шуровать в углях костра.

– Да, товарищ партизанский командир, именно так, – улыбнулся Бесоев. – Даже и через пятьдесят лет после моей смерти говорить об этой тайне будет нельзя.

– Интересно у тебя получается, – сказал Ковпак, – так ты хоть нам скажи, ты за советскую власть чи против? А то тут некоторые сомневаются, особенно после того, как ты давеча обозвал «жопой с ушами» самого Первого секретаря ЦК Коммунистической партии Украины, товарища Хрущева.

– Бывшего первого секретаря и бывшего товарища, – поправил Ковпака Бесоев, – и если бы вы о нем знали, что знаю я, то обозвали бы его, наверное, и похлеще. А вообще я за советскую власть. За нее я сражаюсь, и за нее, если надо будет, и голову сложу. Только вот какая штука, товарищ Ковпак. Комиссар Руднев правильно только что сказал, что угроза советской власти может быть только внутри ее самой. В любом деле нет ничего страшнее бюрократа, облеченного властью и преисполненного осознанием собственной важности и непогрешимости. Сейчас эти люди попрятались на теплых и хлебных местах в эвакуации или нашли безопасные должности в тылу. Но будьте уверены: когда мы победим, они снова повылезут на свет Божий и начнут, расталкивая друг друга локтями, лезть наверх, во власть. И именно такие люди, решив вдруг, что немцы им дадут больше, чем родная советская власть, пользуясь моментом, переходят на сторону врага, в то время, как многие из так называемых «бывших» насмерть бьются с напавшим на нашу Родину врагом.

– Постой, постой, хлопче! – остановил его жестом Ковпак. – То, что среди наших бывших товарищей встречаются первостатейные гады, пошедшие в полицаи и бургомистры, так это я и без тебя знаю. Некоторых иуд я даже лично приказывал вздернуть на осине, ибо по-другому с ними было нельзя. Ты вот мне лучше другое скажи... Ты так уверен в нашей победе, раз говоришь не «если мы победим», а «когда мы победим»... Ведь так?

– Да, Сидор Артемьевич, – кивнул Бесоев, – я уверен в нашей победе над фашистами, как говорят в народе, на все сто.

Ковпак хитро прищурился.

– Так может, товарищ гвардии майор ОСНАЗ, ты и дату точную знаешь?

Бесоев развел руками в знак признания своего поражения в споре с настырным стариком.

– Вот теперь, диду, – сказал он, – я понимаю, за что вас так люто ненавидят немцы. Экий вы настырный... Точной даты нашей Победы я не скажу, поскольку сам ее не знаю, но один маленький секрет раскрыть могу. Вопрос сейчас стоит не так, что нам надо победить фашистов любой ценой. Вопрос сейчас заключается в том, что нам победить надо с как можно меньшими потерями в людях, которые есть наш золотой фонд, и победить надо так, чтобы из Европы к нам никогда никто не приходил с мечом...

– Ну, Сэмэн, что скажешь теперь? – с хитрой улыбкой покачивая головой, спросил Ковпак. – Хочу услышать твое комиссарское слово. Как все сказанное товарищем майором ОСНАЗа сообразуется с политикой нашей партии?

– Хорошо сообразуется, – сказал Руднев, подняв с земли свою фуражку и вытряхнув из нее нападавшую хвою, – даже очень хорошо. Немец – противник очень серьезный, но бить его вполне можно, это мы и сами знаем. Контрнаступление под Москвой, освобождение Крыма, разгром немцев на юге, освобождение Пскова, Риги и Таллина, снятие блокады с Ленинграда – все это показало, что фрицам скоро придет конец. А раз так, то наше с тобой дело, Сидор Артемьевич – в точности выполнять все приказы Верховного Главнокомандования, а также указания партии и правительства. А кто из нас больше любит советскую власть, мы будем выяснять после Победы. Если, конечно, доживем.

– Обязательно доживем, – убежденно сказал Бесоев, – не можем мы не дожить до Победы, не имеем права. Я как раз ведь и прибыл сюда для того, чтобы помочь вам обучить людей таким образом, чтоб потерь вашей бригады в боях было как можно меньше, а вражеских, наоборот, как можно больше. Как говорил товарищ Ленин, «наш лозунг должен быть один: учиться военному делу настоящим образом». Впереди и у нас, и у вас еще много серьезных дел, и нынешняя операция – это лишь их начало.

– Вот, Сидор Артемьевич, – сказал Руднев, – вот тебе и ответ на твой вопрос. Так ли нам важно, кто этот человек и откуда, если об этом знает сам товарищ Сталин, а сам он бьет гитлеровцев так, что любо дорого смотреть. Надо сказать бойцам, чтобы не интересовались этим вопросом, ибо чревато.

– Но все равно болтать будут разное, – меланхолически заметил Базыма, – пожалуй, прямой запрет только разбудит в людях любопытство.

– Пусть болтают, – сказал Бесоев, – самый надежный способ спрятать иголку – это навалить поверх нее стог сена. Чем больше разных вздорных слухов, тем лучше.

– И это тоже верно, – сказал Руднев, поднимаясь со ствола поваленного дерева. – Ну что, товарищи командиры, пора уже и вечерять, а то скоро снова гости прилетят, и опять будет некогда поесть. Кулеш у кашеваров, наверное, уже упрел.

– Хай, товарищи, – сказал Ковпак, кряхтя и держась за спину поднимаясь на ноги с пенька, – так тому и быть. Будем лупить фрицев так, чтобы забыли, в какой стороне света их родимая неметчина.

29 апреля 1942 года, 04:15, Аэродром ЛИИ ВВС в Кратово.

До рассвета оставалось еще несколько часов, но первые петухи уже разнесли всем окрестную благую весть о том, что утро близко.

Гвардии майор Эндель Пусэп не чувствовал утренней сырости и прохлады. Он был обмундирован в теплый меховой летный комбинезон и унты для дальнего полета на больших высотах. Кабина советского дальнего бомбардировщика Пе-8 еще не была герметична, и на больших высотах экипаж в полной мере ощущал все прелести пониженного давления, кислородного голодания и сорокаградусного мороза.

Майору Пусэпу и его экипажу в составе второго пилота капитана Обухова, штурмана-навигатора капитана Штепенко, штурмана-бомбардира Романова, бортехника Золотарева и его помощника Дмитриева, бортовых радистов Низовцева и Муханова, воздушных стрелков Гончарова, Кожина, Сальникова Белоусова и Смирнова, впервые после долгого перерыва предстоял визит в глубокий германский тыл.

Приготовленный к вылету самолет Пе-8 с бортовым номером 42047 был первым в серии оборудован моторами воздушного охлаждения АШ-82Ф с турбокомпрессорами, а также бортовой станцией управления корректируемыми авиабомбами.

Работы по тематике управляемого оружия велись в СССР еще до войны, причем имелись и специалисты, и опытное оборудование. Потом, после нападения фашистской Германии на СССР, работы на этом направлении были свернуты из-за кажущейся бесперспективности, связанной с невозможностью управлять движением ракет и снарядов за пределами прямой видимости.

В июле 1941 года КБ, занимавшееся управляемым оружием, было закрыто, а его специалисты направлены по другим, более актуальным на тот момент направлениям. Ключевым днем в деле развития советского управляемого оружия стал визит товарища Сталина на аэродром ЛИИ ВВС Кратово 13 февраля 1942 года, и случившийся тогда же его обстоятельный разговор с командиром авиагруппы ОСНАЗ РКК генерал-майором авиации Хмелевым.

Именно тогда к проблемам стратегической авиации было привлечено особое внимание Верховного Главнокомандующего, поставлен на ребро вопрос по переоборудованию самолетов Пе-8 на моторы АШ-82Ф. Еще была затронута и тема по созданию для них и фронтовых бомбардировщиков Ту-2 бортовых станций по управлению корректируемыми боеприпасами.

По всем расчетам выходило, что фронтовые бомбардировщики Ту-2 с теми же моторами АШ-82Ф смогут применять управляемые авиабомбы различного назначения калибром 1000, 1500 и 2000 килограмм. Для стратегических бомбардировщиков Пе-8 эта линейка могла быть дополнена управляемыми бомбами особо крупных калибров 2500, 3500 и 5000 килограмм, причем последняя до конца не помещалась в бомболюк, и его створки оставались открытыми в полете.

Сейчас в бомболюк самолета, уже подготовленного к вылету для экипажа майора Пусэпа, была подвешена корректируемая 2500-килограммовая фугасная авиабомба, начинкой которой послужила новая высокотемпературная взрывчатка на основе смеси тротила с гексогеном и алюминиевым порошком. Целью налета должен был стать один из девяти гигантских заводов по производству синтетического бензина компании ИГ Фарбениндустри, расположенный в центральной и восточной Германии. Подробные карты с точным расположением предприятий

по производству синтетического топлива имелись и у майора Пуссэпа, и у капитана Штепенко. Основным условием применения корректируемого оружия было нахождение цели в прямой видимости все время с момента отделения боеприпаса от бомбодержателя и до поражения цели. Исходя из поисков подходящих условий для применения нового оружия, был составлен и маршрут полета.

Провожать майора Пусэпа пришел сам командующий авиацией Дальнего действия генерал-майор Александр Голованов. Выслушав рапорт и дав добро на вылет, Александр Евгеньевич отошел в сторону и жадно закурил, наблюдая за предстартовой суетой. Внимательно осмотрев самолет снаружи, Эндель Пусэп полез по узкой приставной лестнице в кабину, неуклюжий как медведь в своих унтах и меховом комбинезоне. Следом за ним туда же начали подниматься и остальные члены экипажа.

Ах, как сейчас генералу Голованову хотелось бы самому подняться в кабину тяжелого бомбардировщика, чтобы лично нанести по врагу удар новым оружием. Но нельзя... Уже нельзя, ведь теперь он главком Авиации Дальнего Действия, а не простой летчик. И его работа – руководить действиями подчиненных, а не лично вылетать на задания. Если все пройдет удачно, то этот день, 29 апреля 1942 года, возможно, в будущем станут называть днем рождения советской стратегической авиации.

Экипаж поднялся в кабину и лестницу убрали. Оглушительно стрельнув выхлопом, запустился первый двигатель; четырехлопастной винт закрутился, превращаясь в сверкающий круг. Вслед за ним запустили второй, потом третий и четвертый двигатели бомбардировщика. Вскоре моторы прогрелись, и стреляющие выхлопы сменились низким ровным гудением. Приоткрыв форточку пилотской кабины, майор Пусэп показал генералу Голованову задранный вверх большой палец. Командующий АДД кивнул, и аэродромные техники убрали тормозные колодки из-под огромных колес. Двигатели зарычали громче, и огромный самолет, медленно тронувшись с места, не спеша покати по рулежной дорожке к началу бетонной ВПП.

Там он ненадолго задержался, потом командир корабля плавно передвинул сектора газа всех четырех моторов, переводя их с малых оборотов на максимальный режим. В тот момент, когда колеса уже были готовы пойти юзом, майор Пусэп отпустил педаль тормоза, и самолет, разгоняясь все сильнее и сильнее, помчался по бетонке ВПП. Несмотря на 2500-килограммовую бомбу в бомболюке и полный запас топлива, он разогнался уверенно и энергично. Сказывалась возросшая почти на четверть тяга новых двигателей АИШ-82Ф.

То ли еще будет, когда на самолеты Пе-8 начнут устанавливать уже закупленные в США двигатели Pratt&Whitney R-2800 мощностью в 2100 лошадиных сил. Генералу Голованову было известно, что первая партия из ста таких американских авиадвигателей и запчастей к ним уже поступила в Мурманск. Еще двести таких же двигателей должны были поступить в СССР через месяц. И последняя сотня из четырехсот, уже оплаченных, ожидалась в конце сентября.

Этого было вполне достаточно для переоборудования всех двадцати четырех боевых самолетов 45-й авиадивизии АДД и создания запаса двигателей для выпуска еще пятидесяти самолетов Пе-8, а также формирования обменно-ремонтного фонда моторов, утраченных или поврежденных в процессе боевой эксплуатации.

Никаких неприятных сюрпризов с поставками этих двигателей не ожидалось. В этой реальности СССР плотно контролировал трассу Арктических конвоев, и кriegсмарине сов-

местно с люфтваффе в Норвегии, несмотря на все истеричные приказы из Берлина, боялись лишний раз высунуть нос из своих баз, чтобы не привлечь к себе внимание молодого, но уже весьма зубастого советского Северного флота и входящей в его состав Эскадры Особого назначения.

Итак, в 04:35 майор Эндель Пусэп оторвал свой самолет от бетонки ВПП и уверенной рукой направил его вверх, начав набор высоты. Курс, проложенный капитаном Штепенко, первоначально вел на северо-запад, примерно в направлении на Новгород.

Четыреста километров, то есть почти час, самолет майора Пусэпа летел над своей территорией, постепенно набирая высоту. Уже над Калинином бомбардировщик шел на высоте более пяти тысяч метров, после чего моторы стали наддуваться турбокомпрессорами, а экипаж надел кислородные маски. При полете к Валдаю Пе-8 почти уже достиг высоты десять тысяч метров, и самолет, совершив вираж, продолжая потихоньку набирать высоту, взял курс на запад, в сторону Пскова, намереваясь выйти к Балтике вдоль северного берега Рижского залива.

Скорость, составлявшая у земли всего триста километров в час, на высоте пять тысяч была уже в пределах четырехсот километров, а на высоте десяти тысяч метров составляла уже почти четыре с половиной сотни километров.

На рассвете, в 07:00, находясь на высоте одиннадцати тысяч метров, в ста километрах западнее острова Эзель, Эндель Пуэсэп развернул свой самолет на юго-запад, в направлении шведского острова Борнхольм. Над ним Пе-8 совершил еще один поворот, и вошел в воздушное пространство Третьего Рейха с северного направления – чтобы внезапно для ПВО Рейха атаковать наземные цели. Кроме того, в устье Одера, неподалеку от Штеттина, находился и один из подлежащих бомбардировке объектов – завод по производству синтетического горючего в Политце.

По мере приближения к побережью Германии редкие кучевые облака сменились плотными дождевыми тучами. Нигде внизу не проглядывалось и клочка воды или суши, так что, с одной стороны, никто не заметил пересекающий рубеж ПВО Германии одиночный советский бомбардировщик, а с другой стороны, завод синтетического бензина в Политце, к сожалению, оказался недоступен для применения корректируемых бомб.

Далее, в 08:40 по московскому времени, Пе-8 майора Пусэпа сделал еще один разворот на юго-запад, взяв курс на Магдебург, где располагалось еще одно крупное предприятие по выпуску синтетического горючего. Берлин остался примерно пятьюдесятью километрами южнее. Плотный облачный покров с вздымающимися башнями облаков, достигающими стратосферы, наводил на мысль, что в столице фашистской Германии сейчас низкая облачность, ветер, и, скорее всего, идет проливной дождь.

Над Магдебургом облачность была уже в значительной степени рваной, но тем не менее видимость для применения корректируемого оружия была недостаточной. Пропустив и эту цель, в 09:15 Эндель Пусэп развернул самолет на юго-восток, в сторону Лейпцига и расположенных в его окрестностях четырех заводов синтетического бензина. Чем дальше самолет летел на юг, тем все более рваными и тонкими оказывались облака. А на подходе к Лойне, где располагался один из самых крупных германских заводов по производству синтетического бензина, небо было уже совершенно чистым.

Это было то что надо. Гигантский химический комплекс в Лойне был обнаружен с расстояния примерно пятидесяти километров. Штурман-бомбардир Сергей Романов снял чехол с оборудования и включил свою установку, после чего доложил майору Пусэпу, что аппаратура исправна и готова к работе. Пе-8 нацелился на одно из самых крупных зданий в комплексе, опознанном как цех гидрогенизации. Косвенно эти данные подтверждались рядом высоких ректификационных колонн, расположенных неподалеку, где разделялась смесь различных углеводородов, получившаяся в ходе реакции каменноугольной крошки и угольной смолы с водородом при температуре порядка 400-600 градусов Цельсия и давлении в 200-300 атмосфер.

Раскрылись створки бомболюка, и «Иванушка-толстячок» первый раз глянул вниз с высоты одиннадцати тысяч метров. А там, внизу, никто еще ничего не подозревал. Огромный заводской комплекс жил своей трудовой жизнью. Построенный из нагромождения кубических сооружений из серого бетона, насквозь пропитанный ядовитыми испарениями и припорошенный угольной пылью, он являлся отрицанием земной красоты. Кроме вольнонаемных немецких рабочих, в этом преддверии ада принудительно трудились и заключенные концентрационных лагерей. Химическая компания ИГ Фарбениндуэстри платила в казну СС за каждый день работы взрослого рабочего-заключенного три или четыре марки (в зависимости от квалификации), и половину этой суммы – за каждого несовершеннолетнего раба Третьего рейха.

Но все это не имело сейчас абсолютно никакого значения, потому что никто из этих людей не имел никаких шансов дожить до будущей победы и освобождения. Средний срок жизни заключенного на нефтехимических, химических и резиновых заводах концерна ИГ Фарбениндуэстри не превышал четырех месяцев. Можно сказать, что одержимые своей расовой теорией немцы нашли вполне научный способ успешно перегонять на бензин живых людей.

Ровно в 09:35, через пять часов после вылета с аэродрома в Кратово, капитан Романов нажал на кнопку сброса бомбы. Электрические замки разжались, и разворачивающийся под действием аэродинамических сил носом к земле «Иванушка» со свистом полетел вниз. Через пять секунд скрутившаяся с хвостового оперения крыльчатка замкнула электрические цепи бомбы, подключая к сервоприводам рулей аппаратуру управления и устанавливая в боевое положение основной и вспомогательный взрыватели, а также зажигая в хвостовой части бомбы яркий фэйер желтого цвета, видный даже с большого расстояния. Капитан Романов приткнулся к бомбовому прицелу и, аккуратно двигая ручкой управления, стал подгонять яркую отметку все ближе и ближе к цели. Бомба послушно, даже слишком, реагировала на движение ручки управления, и бомбардиру приходилось быть очень осторожным, чтобы случайным резким движением не увести ее в сторону от цели.

Потом яркий огонек, обозначавший положение бомбы, неожиданно погас, а через долю секунды на этом месте вспух багровый с черными прожилками шар разрыва. Мгновение – и все внизу озарилось вспышкой, многократно превышавшей по силе первоначальный взрыв бомбы. Большая установка по гидрогенизации угля доктора Бергиуса была полностью разрушена.

– Командир, мы сделали это! – только и мог сказать пересохшим от кислорода ротом капитан Романов.

– Отлично, – ответил майор Пусэп, – а теперь идем домой.

После взрыва синтез-установки на заводе в Лойне начался сильнейший пожар, с которым было невозможно справиться, потому что горючих материалов на заводе в Лойне имелось предостаточно. Тут были даже газгольдеры со смесью пропан-бутана, являющимся побочным продуктом реакции (да-да, газобаллонные грузовики и автобусы тоже были изобретены в Третьем Рейхе для того, чтобы как можно больше бензина, синтетического или натурального, оставалось для ведения боевых действий).

Даже удалившись от своей цели на две сотни километров, экипаж мог видеть столб угольно-черного дыма, поднимающийся в небеса. Хвостовой стрелок с помощью специально врученного ему фотоаппарата сделал несколько снимков – как момента взрыва бомбы, так и этапов огромного пожара.

Самое интересное заключалось в том, что система ПВО Германии ухитрилась так и не заметить идущий на большой высоте одиночный Пе-8.

Зайдя на немецкую территорию с севера, самолет капитана Пусэпа покинул ее, направляясь на юго-восток через протекторат Богемии и Моравии, Словакию, Венгрию и Румынию, и в 14.45 по Москве совершил посадку на крымском аэродроме ОСНАЗ РКК в Саках.

Дав экипажу отдых и загрузив в бомбоотсек еще одного «Иванушку», майор Пусэп завтра отправится в новый боевой вылет. Эффект воздействия на военную экономику точечными бомбардировками германских предприятий химической промышленности должен превзойти все ожидания.

1 мая 1942 года, Полдень. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионович Сталина.

С первомайского парада Верховный вернулся в отличнейшем настроении. Несмотря на то, что враг еще стоял фактически у ворот столицы, перемены на фронте к лучшему были заметны даже невооруженным взглядом. Жить становилось лучше, жить становилось веселее.

Военный парад в прифронтовой Москве яснее ясного показывал и собственному населению, и союзникам (да и врагам), что Красная Армия оправилась от первых поражений и научилась бить врага. А советское руководство чувствует себя спокойно и полностью уверено в своей окончательной победе. Этот первомайский парад послужил своего рода подведением итогов зимней кампании и предвестником предстоящих этим летом решающих сражений.

Правда, никакой особо новой техники на параде не демонстрировалось. Мир не узнал ни о танке Т-42, ни о БМП-37, ни о самоходных орудиях на их базе. Их дебют должен был сначала состояться на полях сражений, и лишь потом, на 7 ноября, эти машины займут свое законное место в парадных расчетах. Были и исключения. Решение не показывать новую технику не касалось авиации, и в заключительной фазе парада над Москвой вместе с самолетами Пе-2, Як-1 и Ил-2, уже известными широкой публике, пролетели и первые серийные истребители Ла-5, а также скоростные фронтовые бомбардировщики Ту-2.

Завершил первомайский парад пролет над Красной Площадью на малой высоте огромного бомбардировщика Пе-8, оснащенного моторами конструкции Аркадия Швецова М-82Ф. За ускоренное создание новой версии этого мотора с улучшенным охлаждением и смазкой, способного неограниченное время работать на предельном режиме, конструкторский коллек-

тив пермского авиамоторного завода № 19 имени Сталина (иначе именуемый ОКБ-19) был представлен к Сталинской премии 1-й степени.

Сразу после возвращения с парада у Верховного была назначена встреча с командующим Авиацией Дальнего Действия генерал-лейтенантом Головановым и начальником Генерального штаба генерал-лейтенантом Василевским. Темой разговора должны были стать более чем успешные результаты двойного челночного рейда бомбардировщика Пе-8 под командованием майора Энделя Пусэпа на территорию фашистской Германии. Генерал-лейтенант Голованов сам попросил Сталина об этой встрече – железо было горячо, и надо было его ковать.

Верховный Главнокомандующий сидел за своим столом и не без удовольствия перебирал толстую стопку фотографий сделанных с борта советского бомбардировщика после точечных ударов по комбинатам синтетического горючего на территории фашистской Германии.

– Значит, товарищ Голованов, – вождь поднял голову, – у вас все получилось?

– Да, товарищ Сталин, – ответил командующий АДД, – и даже более чем. На деле принципиально доказана возможность поражения с летящего на большой высоте бомбардировщика точечных объектов, находящихся в глубоком тылу противника. При этом удалось нанести вражеской военной экономике значительный ущерб.

– Значит, – кивнул Сталин, – информация, полученная нами от потомков, оказалась верной?

– Да, товарищ Сталин, – подтвердил Голованов, – одними точечными бомбардировками войну нам, скорее всего, не выиграть. Но ослабить возможность противника к продолжению боевых действий они могут значительно. По оценке специалистов наших наркоматов, завод в Лойне немцам придется строить фактически заново, а завод в Бленчхаммер Норте, главная синтез-установка которого в момент бомбового удара была отключена, будет простаивать от двух недель до месяца.

– Товарищ Василевский, – обратился Сталин к начальнику Генерального штаба, – вы тоже считаете, что мы должны продолжать действовать теми же методами?

– Так точно, товарищ Сталин, – ответил тот, – мы считаем, что воздействовать на глубокий тыл противника в ходе войны необходимо. При этом мы понимаем, что у нас нет возможности, подобно американцам, построить и содержать многотысячные армады тяжелых бомбардировщиков. Кроме заводов нефтехимической индустрии, высоким потенциалом для поражения мощными высокоточными бомбами обладают предприятия по выпуску взрывчатых веществ и боеприпасов, химические производства, плотины гидроэлектростанций, правительственные здания и крупные командные центры, и почти неуязвимые для обычных бомбардировок железнодорожные и шоссейные мосты через крупные европейские реки: Эльбу, Одер, Вислу, Дунай и Неман. Приоритеты в выборе очередных целей по ходу боевых действий могут меняться. Но важна сама возможность достигать стратегических результатов весьма ограниченными силами. Истребление военной экономики фашистской Германии в дальнейшем необходимо проводить на строго научной основе.

– А вы что скажете, товарищ Голованов? – снова обратился Сталин к командующему авиацией Дальнего Действия. – Смогут ли в новых условиях вверенные вам части решать задачи, поставленные советским командованием?

– Смогут, товарищ Сталин, – ответил Голованов, – хотя, конечно, для этого необходимо их качественное усиление. Самолет ДБ-3Ф, или по-новому Ил-4, являющийся сейчас основой АДД, морально устарел, и с него невозможно применение управляемого оружия. Необходима его замена на новые самолеты Пе-8 и Ту-2.

Сталин, задумавшись, побарабанил пальцами по пачке папирос «Герцеговина Флор» и спросил:

– Товарищ Голованов, а почему невозможно применять управляемое оружие с самолетов Ил-4?

– Минимальный калибр бомбы, на которую имеет смысл устанавливать систему управления – одна тонна, – ответил генерал Голованов. – А устаревшие самолеты типа Ил-4, обладающие недостаточной тяговооруженностью и прочностью конструкции, не способны нести даже единичные авиабомбы такого калибра. Кроме того, самолет Ил-4 обладает недостаточной скоростью и высотой полета, а также слабым оборонительным и бомбовым вооружением. Единственное, в чем Ил-4 превосходит все другие наши бомбардировщики, так это в дальности полета. Разумеется, речь не идет о дальнем бомбардировщике Пе-8, выпуск которого в новых условиях стоило бы немного расширить, доведя в течение 1942 года численность авиации дальнего действия с двадцати четырех примерно до ста – ста двадцати машин этого типа.

Сталин кивнул.

– Мы вас поняли, товарищ Голованов, спасибо. А что нам скажет товарищ Василевский?

– Товарищ Сталин, – сказал Василевский, – Генеральный Штаб тоже считает необходимым внести изменения в номенклатуру выпускаемых нашей промышленностью бомбардировщиков, сосредоточив основные усилия на ускоренном запуске в серийное производство скоростного многоцелевого бомбардировщика Ту-2, который, как и Пе-8, способен нести управляемое оружие. Сделать это возможно за счет сокращения или даже полного прекращения выпуска устаревших бомбардировщиков Ил-4. Что же касается легких пикировщиков Пе-2, то, как мы уже вам говорили ранее, эти самолеты в качестве пикирующего бомбардировщика используются в войсках редко. Но это вопрос организационный, а не технический, поскольку части, вооруженные самолетами Пе-2, со своими задачами на линии фронта и в ближнем вражеском тылу пока справляются.

– Очень хорошо, – сказал Верховный, – значит, вы, товарищ Василевский, не считаете возможным ждать еще два года до запуска самолетов товарища Туполева в массовую серию?

– Нет, товарищ Сталин, не считаем, – ответил Василевский. – В данный момент к фронтовым испытаниям уже готова отдельная бомбардировочная эскадрилья из двадцати машин. При условии значительной унификации самолетов Пе-8 и Ту-2 по двигателям, навигационному оборудованию, оборонительному и бомбовому вооружению переход на серийный выпуск Ту-2 вместо Ил-4, с нашей точки зрения, выглядит вполне оправданным. Кроме того, самолет Ту-2 может нести большую бомбовую нагрузку, он значительно легче в управлении, имеет меньшую

аварийность и большую живучесть при боевых повреждениях. Необходимо немедленно начать серийный выпуск этих машин с поэтапным внесением изменений в их конструкцию по мере накопления опыта боевого применения. На первом этапе для недопущения распыления сил и средств мы считаем возможным комплектование этими машинами бомбардировочных полков особого назначения РВГК – по аналогии с артиллерийскими полками особой мощности и полками реактивных гвардейских минометов.

– Все понятно, товарищи, – кивнул Сталин, – полагаем, что, с учетом последних событий, необходимо ускорить перевооружение нашей авиации на новую технику. И мы будем со всей серьезностью ставить вопрос о немедленном развертывании серийного производства бомбардировщика Ту-2 перед Наркоматом авиационной промышленности. Что же касается дополнительного выпуска самолетов Пе-8, товарищ Голованов, то давайте сначала проведем переоснащение на закупленные нами американские двигатели всех уже имеющихся машин этого типа, с оборудованием их системами управляемого вооружения, как следует отработав его практическое применение. Одновременно перед товарищем Петляковым будет поставлена задача на глубокую модернизацию конструкции самолета Пе-8, повышение технологичности его производства, и унификацию его узлов и агрегатов с узлами и агрегатами выпускаемого крупной серией бомбардировщика Ту-2. Как только все это будет сделано, вы, товарищ Голованов, вновь сможете поднять вопрос о дополнительном выпуске тяжелых дальних бомбардировщиков стратегического назначения. И мы надеемся, что это будет уже качественно новый самолет, лишенный своих нынешних недостатков.

Еще раз внимательно посмотрев на своих собеседников, Верховный встал из-за рабочего стола и сказал:

– На этом и остановимся. Все, товарищи, можете быть свободны.

2 мая 1942 года, Утро. Новая Британия. ВМБ Японского Императорского Флота Рабаул.

Заходя на умытую утренним дождем взлетно-посадочную полосу аэродрома Рабаул, над гладью Тихого океана снижались три японских двухмоторных средних бомбардировщика-торпедоносца G4M, носивших у американцев кодовое наименование «Бетти». Еще эти бомбардировщики носили прозвище «летающих сигар» – из-за характерной формы толстого фюзеляжа, а так же из-за того, что они, не имея никакой противопожарной защиты, вспыхивали после первых же попаданий. За отсутствие протектирования бензобаков «Бетти» получили у американцев прозвище «одноразовая зажигалка».

Вылетевшие более четырнадцати часов назад из Токио японские бомбардировщики без единой посадки проделали над просторами Тихого океана около четырех тысяч шестисот километров. В кабине среднего бомбардировщика на месте штурмана-бомбардира сидел человек, являющийся легендой и одновременно первым лицом Объединенного Японского Императорского Флота – полный адмирал Исороку Ямамото, гений стратегии, чемпион флота по игре «го» и предмет поклонения японских военных моряков, которыми он командовал.

Кроме того, адмирал Ямамото был принципиальным противником политической оси Рим-Берлин-Токио, вторжения в Манчжурию и Китай, а также войны с Соединенными Штатами Америки. В середине 1941 года премьер-министр Японии Фумимару Коноэ спросил Ямамото, что тот думает об исходе возможной войны с Соединенными Штатами, – ответ адмирала

позже стал широко известен. «Если поступит приказ вступить в бой, – ответил он, – я буду неудержимо двигаться вперед в течение половины или целого года, но я абсолютно не ручаюсь за второй или третий год».

В то же время Исороку Ямамото не знал, что американские адмиралы мыслили примерно в том же ключе. «План Дог» от 1940 года американского адмирала Харольда Старка, Главнокомандующего Морскими Операциями, предусматривал ведение на Тихом океане оборонительной войны. И пока США будут концентрировать все свои силы против Германии, американскому Тихоокеанскому флоту придется удерживать японцев подальше от путей сообщения с Австралией.

Американские адмиралы подсчитали, что только мобилизация флота займет не менее шести месяцев. А на производство того невероятного количества снаряжения, боеприпасов и вспомогательных судов, необходимых для ведения наступательной войны на Тихом океане, уйдет не меньше двух-трех лет.

В любом случае, в начале мая 1942 года, полгода, которые Исороку Ямамото выделил себе на «неудержимое продвижение», подходили к концу. Четыре американских авианосца, уцелевших во время нападения на Перл-Харбор, представляли для японского флота все более и более серьезную угрозу. Но о главной опасности Главнокомандующий Объединенным флотом не подозревал до самого последнего времени.

У адмирала Ямамото не возникло подозрений даже тогда, когда в первых числах апреля военно-морской атташе Империи в Советской России капитан 1-го ранга Ямагучи сообщил, что по состоянию здоровья ему срочно необходимо покинуть свой пост, и попросил прислать ему замену. Поступок, совершенно нетипичный для японского высокопоставленного офицера – он мог быть вызван только крайне серьезными причинами.

Еще в середине января адмирал Ямамото попросил капитана 1-го ранга Ямагучи досконально разобраться в том, что происходит на советско-германском фронте. При этом он не имел особых надежд на успех этого конфиденциального поручения из-за удаленности японской дипломатической миссии от места событий и строжайших мер секретности, предпринятых советскими органами контрразведки. Сейчас, глядя через иллюминатор на приближающуюся посадочную полосу аэродрома на острове Рабаул, адмирал Ямамото вспоминал, как все это начиналось.

Утром 30 апреля капитан 1-го ранга Ямагучи добрался до Токио, и сразу же явился на прием к адмиралу Ямамото. Причем по его внешнему виду никак нельзя было сказать, что он страдает от какого-то тяжелого заболевания.

Ретроспекция от 30 апреля 1942 года, 09:02. Токио. Главный Штаб Объединенного Флота Японской Империи.

Кабинет главнокомандующего.

– Капитан 1-го ранга Ямагучи, – спокойным и ровным голосом произнес адмирал Ямамото, рассматривая склонившегося перед ним в почтительном поклоне военно-морского атташе (он никогда не повышавший голоса на своих подчиненных, считая это недостойным потомка древнего самурайского рода), – я прошу вас объяснить мне причины, которые заста-

вили вас так неожиданно оставить свой пост именно в тот момент, когда на советско-германском фронте происходят такие важные события.

– Исороку-сама, – сказал Ямагучи, еще ниже склоняясь перед своим шефом и кладя перед адмиралом стопку исписанных листков, – я смиренно прошу вас прочитать сначала мой рапорт, а потом я готов дать вам все требующиеся по ходу дела ответы...

Недоверчиво хмыкнув, Ямамото начал читать рапорт, написанный по-английски, но почти тут же отложил в сторону первую страницу и внимательно посмотрел на капитана 1-го ранга Ямагучи, наблюдавшего за адмиралом затаив дыхание.

– Так вы сумели проникнуть в тайну так называемой эскадры адмирала Ларионова? – спросил он.

– Да, Исороку-сама, – кивнул Ямагучи, – в своем рапорте я изложил все, что мне удалось выяснить о происхождении и боевой деятельности так называемых Эскадры Особого Назначения адмирала Ларионова, а также Тяжелой Механизированной Бригады Особого Назначения сначала полковника, а потом и генерала Бережного.

– Вы полагаете, что эти два русских соединения представляют угрозу нашим интересам на северном направлении? – спросил адмирал Ямамото.

– Не совсем так, – покачал головой Ямагучи. – Обладая совершенно несвойственной для русских боевой эффективностью, они коренным образом переменили весь характер вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Теперь уже речь идет не об исчерпании воли к сопротивлению у русских, а о том, сможет ли вермахт снова переломить ситуацию в свою пользу, или и дальше будет терпеть поражение за поражением. В то же время подтверждается политическая линия советского вождя Сталина на нежелание таскать каштаны из огня для Англии и США. С его стороны было бы совершенным безумием предпринимать что-то против нас до того, как закончится его противостояние с Германией. Также совершеннейшим безумием было бы наше вторжение на Север. Да, кадровые части Сибирского военного округа отправлены на Восточный фронт. Но казармы у русских в Сибири не пустуют, поскольку с фронта в Сибирь на отдых и пополнение прибывают части, получившие боевой опыт во время успешной для русских зимней кампании. Наступление Квантунской армии в таких условиях может иметь лишь весьма ограниченный успех, после чего война перейдет в затяжную фазу. В то же время с открытием нами боевых действий русские безо всякого сомнения предоставят свои аэродромы для американской стратегической авиации, и под ударами янки окажется сама Метрополия.

– Мысль верная, – кивнул головой Ямамото, – у нас здесь сложилось примерно такое же мнение. Госпожа Армия не в состоянии выделить двадцати тысяч солдат для захвата и оккупации Гавайев, и в то же время рвется на Север, чтобы начать войну с Россией, где для успеха потребуются миллионы штыков. Мы уже представили свое мнение по этому вопросу Императору и совету Гэнро. Думаю, что оно нашло там полное понимание. Главная наша задача сейчас – нейтрализовав остатки американского Тихоокеанского флота, закрепить на Юге, рассечь морские коммуникации, связывающие Австралию с внешним миром, и путем осуществления полной блокады вывести ее из войны.

– Исороку-сама, – стараясь быть бесстрастным, сказал капитан 1-го ранга Ямагучи, – именно полученная мной секретнейшая информация, касающаяся предстоящих событий на Юге, и побудила меня, бросив все, прибыть для личного доклада вам. После того, что мне удалось узнать, я не имел права доверять полученные мной сведения ни радио, ни даже дипломатической почте.

Адмирал понимающе кивнул и, больше не задавая ни одного вопроса, дочитал до конца рапорт капитана 1-го ранга Ямагучи. Закончив чтение, он отложил в сторону аккуратно сложенные листки бумаги и минут пять сидел, глядя невидящим взором в пространство прямо перед собой. Ум его в это время бешено работал, пытаясь сопоставить уже известную ему информацию. В рапорте военно-морского атташе в Советском Союзе он увидел грядущую катастрофу. Но, как понял адмирал, есть был шанс ее предупредить.

– Господин капитан 1-го ранга, – нарочито спокойным голосом произнес адмирал Ямамото, – скажите мне, насколько надежен и достоверен источник полученной вами информации?

– Исороку-сама, – ответил Ямагучи, – эту информацию я получил от русского офицера, капитана 2-го ранга Чернецкого Владислава Петровича, знакомого мне еще с 1916 года, когда я был еще гардемарин и участвовал в передаче русским проданного им броненосца «Танго» – бывшего русского броненосца «Полтава». Он достался нам после захвата Порт-Артура, и после ремонта вошел в состав флота Империи. Можно сказать, что тогда мы были не просто союзниками по Антанте, но и друзьями. Русские к таким вещам относятся крайне сентиментально – мужская дружба для них свята. Поэтому, когда мы случайно встретились с ним в Куйбышеве – его родном городе, куда он прибыл в отпуск после ранения, мы разговорились, и Чернецкий был со мной до предела откровенным. Из беседы с ним я узнал, что по роду своей нынешней службы в береговых частях Северного флота ему приходилось встречаться в частной обстановке с офицерами из эскадры адмирала Ларионова, которые в общем-то не скрывают своих антиамериканских и антибританских настроений. А с одним из них он после ранения даже лежал в одной палате госпиталя, и именно от него узнал о том, что американцам удалось раскрыть ключ нашего военно-морского кода Ro, и адмирал Нимиц читает все наши сообщения и приказы чуть ли не раньше нас самих. Думаю, что он рассказал мне все это, поскольку эта информация не наносит ущерба России.

Ямамото на минуту задумался, а потом спросил:

– А вы не думаете, господин капитан 1-го ранга, что вашего старого друга вместе с его информацией подвело к вам НКВД, чтобы использовать в каких-то своих политических целях?

– В таком случае, Исороку-сама, – сказал Ямагучи, – у нас крепнет уверенность в том, что их вождь Сталин не желает таскать из огня каштаны для Англии и Америки, и после разгрома Германии собирается перейти к конфронтации с англосаксонским миром. Возможно, что его расчет строится на том, что если мы и дальше продолжим одерживать победу за победой на Тихом океане, то американцам и англичанам будет уже не до континентальной Европы.

– Допустим, что вы правы, – кивнул Ямамото, – и сообщенная вам информация является частью сложной политической игры советских спецслужб, поскольку в случайную встречу старых друзей я поверить не могу. Разумеется, мы воспользуемся предоставленной нам подсказкой, не собираясь терпеть поражений от американцев только для того, чтобы навредить

господину Сталину. И мы сохраним эту информацию в тайне, в первую очередь от нашего армейского командования. Победителей не судят. Что же касается вас лично, то после завершения операций в Коралловом море, под Мидуэем и на Алеутских островах вы «выздоровеете» и вернетесь в Советский Союз для того, чтобы продолжить политическую игру. На благо Японии и Императора мы должны постараться изменить судьбу нашей Родины и избежать поражения в этой войне. Я верю, что у нас все получится, господин капитан 1-го ранга. Не может не получиться. Хейко Тенно Банзай!

2 мая 1942 года, Утро. Новая Британия. ВМБ Японского Императорского Флота Рабаул.

Появление в Рабауле адмирала Ямамото стало для всех громом среди ясного неба. В первую очередь запаниковало местное аэродромное начальство, уже собравшееся сделать командиру ведущего бомбардировщика разнос за то, что тот не предупредил их о своем приближении по радио. Обнаружив среди летчиков, утомленных четырнадцатичасовым перелетом, самого командующего Объединенным флотом, дежурный по аэродрому и командир авиабазы на какое-то время потеряли дар речи, перейдя от священного гнева к состоянию застенчивого смущения.

Выслушав распоряжения о полном прекращении любого радиообмена и о немедленной подготовке к приему самолетов 11-го берегового воздушного флота, летящих сейчас сюда в режиме радиомолчания со своих баз во французском Индокитае, аэродромное начальство сразу же вошло в состояние лихорадочной деятельности. Тем временем адмирал Исороку Ямамото, усевшись в автомобиль командующего базой, отправился в штаб 4-го флота для встречи с вице-адмиралом Сигэси Иноуэ.

Командующий 4-м флотом прибыл в Рабаул всего два часа назад, и тоже не совсем обычным способом. Четырехмоторная летающая лодка Kawanishi H8K, известная у американцев как «Эмили», под управлением прапорщика Сёскэ Сасао, знаменитого своим участием во «Втором налете на Перл-Харбор», вылетела с атолла Трук из Иокосуки почти сразу после разговора адмирала Ямамото и капитана 1-го ранга Ямагучи. Примерно в то же время с атолла Трук в направлении Рабаула вышло ударное корабельное соединение под командой вице-адмирала Такэо Такаги в составе авианосцев «Секаку» и «Дзуйкаку», двух тяжелых крейсеров и шести эсминцев. Адмирал Такаги имел приказ обойти Соломоновы острова с восточной стороны и войти пятого мая в Коралловое море, обогнув с юга остров Сан-Кристобаль. Одновременно Трук покинул и легкий крейсер «Кашима» – флагманский корабль 4-го флота с командующим на борту, который должен был прибыть в Рабаул к 4 мая. При этом активная часть «Операции Мо» начнется десантом на остров Тулаги 3 мая. Тогда же в Коралловом море появится американское ударное соединение под командованием адмирала Фрэнка Джека Флетчера, в составе авианосцев «Лексингтон» и «Йорктаун», пяти крейсеров, одиннадцати эсминцев и двух танкеров снабжения.

Командир летающей лодки имел при себе два запечатанных пакета, в которых находились подписанные адмиралом Ямамото приказы. Один из них был адресован вице-адмиралу Такаги и предписывал, отменяя предыдущий приказ вице-адмирала Сигэси Иноуэ, максимально возможным ходом в режиме полного радиомолчания следовать в ВМБ Японского императорского флота Рабаул. Второй пакет предназначался самому вице-адмиралу Сигэси Иноуэ, и приказывал, оставив борт крейсера «Кашима», вместе с высшими чинами штаба немедленно прибыть в Рабаул на борту летающей лодки прапорщика Сасао.

Таким образом, исходя из того, что план «Операции Мо» стал известен американцам, адмирал Ямамото заново перетасовал колоду, создавая в районе Рабаула мощный кулак из ударной авианосной группировки и береговой морской авиации.

Все четырнадцать часов перелета из Токио в Рабаул главнокомандующий японским императорским флотом посветил раздумьям о том, как превратить провальную из-за утечки информации «Операцию Мо» в триумфальный разгром американо-австралийской флотской группировки, находящейся сейчас в Коралловом море. Причем этот разгром для американцев должен был выглядеть как досадная случайность. Нельзя было допустить, чтобы военно-морское командование США на Тихом океане догадалось, что японцы знают, что американцы раскрыли их военно-морской код, и знают о его планах. Ставка в следующем мидуэйском раунде игры будет неизмеримо выше, и пока стоило поддерживать убежденность адмирала Нимица в том, что только он владеет всей информацией о планах японского флота и полностью контролирует дальнейшее течение событий.

Час спустя, Рабаул, временное помещение штаба 4-го флота

Командующий флотом вице-адмирал Сигэси Иноуэ

– Исороку-сама, – Сигэси Иноуэ почтительно склонился в поклоне перед вошедшим главнокомандующим, – прошу меня простить, но я совершенно не понимаю смысла ваших последних распоряжений и с нетерпением жду, когда вы объясните мне суть всего происходящего с вверенным мне флотом.

– Сигэси-сан, – спокойно сказал Ямамото, бросив взгляд на офицеров штаба, – попросите всех покинуть помещение. Сказанное здесь должно остаться между нами в силу своей высочайшей секретности. Прочим же господам же офицерам для наилучшего исполнения ими долга перед Японией и Императором будет достаточно прямых, ясных и недвусмысленных приказов.

– Как вам будет угодно, Исороку-сама, – сказал вице-адмирал Сигэси Иноуэ, делая своим офицерам знак, предлагавший освободить помещение.

– Сигэси-сан, – сказал Ямамото, когда за последним из вышедших офицеров закрылась толстая дубовая дверь бывшего английского колониального особняка, – как удалось установить нашей разведке, ваш «План Мо» стал в деталях известен противнику, и все, что я сейчас делаю, направлено на избежание поражения и неоправданных потерь.

– Исороку-сама... – вице-адмирал Сигэси Иноуэ не мог найти подходящих слов. – Но как и почему это случилось?

– Все очень просто, Сигэси-сан, – пожал плечами Ямамото, – американские дешифровальщики сумели вскрыть наш главный военно-морской код Ro. Каждый раз, выходя в эфир, мы сами докладывали противнику о своих действиях и о дальнейших планах. Сейчас янки полностью уверены, что знают о нас все, а мы о них ничего.

– Исороку-сама, мы ни о чем подобном не подозревали, – нервно пожав плечами, сказал Сигэси Иноуэ. – Как вы получили информацию об этом?

– Сэгэси-сан, – ровным голосом, в котором все же прозвучало раздражение, ответил Ямамото, – я хотел бы, что вы больше никогда не задавали мне этот вопрос. Утечка информации об этом может угрожать самому существованию Японской империи. Надеюсь, Сэгэси-сан, вы меня хорошо поняли?

Немного помолчав, чтобы собеседник смог осознать всю важность сказанного, главнокомандующий Объединенным императорским флотом продолжил:

– Что же касается вас лично, то даже без учета нарушения режима секретности мне очень не понравилось запланированное вами прибытие в Рабаул только через сутки после начала активной фазы операции. По имеющимся данным, этот факт может усугубить последствия раскрытия противником наших планов. Американцы, пользуясь своим промышленным и технологическим превосходством, и дальше будут предпринимать попытки перехвата стратегической инициативы. А вы с вашим академическим темпераментом не сможете оказать ему эффективное противодействие. Поэтому, исключительно в интересах спасения Японии и Императора, после установления нашего контроля над Порт-Морсби вам будет лучше, сдав командование флотом вице-адмиралу Такаги, взять на себя руководство Высшей Военной Академией Императорского флота Японии «Кайхун хэйгакко». Подготовка наших будущих адмиралов – дело не менее важное, чем завоевание жизненного пространства для японской нации.

– Как вам будет угодно, Исороку-сама, – склонился в поклоне вице-адмирал Сигэси Иноуэ, – это вы гений стратегии, а мы, ваши подчиненные, всего лишь светим вашим отраженным светом.

– Каждый из нас, Сигэси-сан, служит императору на своем месте, – наставительно сказал Ямамото. – Полгода назад мы начали войну, в которой почти невозможно победить, побуждаемые экономическим шантажом правящих в Америке и Британии кругов. Когда вам на шею набрасывают удавку, в ответ позволительно нанести удар мечом. Не мы начали эту войну, а те силы, что объявили нам экономическое эмбарго, требуя полной и безоговорочной капитуляции. У нас нет другого выхода, кроме как одерживать над американцами одну победу за другой, и для этого хороши все средства. Немедленно распорядитесь о введении на вверенном вам флоте режима полного радиомолчания, пошлите гидросамолеты с соответствующими приказами адмиралам Шима, Гото и Марума, готовящимся сейчас к высадке на Тулаги. Предупредите их о присутствии в Коралловом море, южнее острова Санта-Исабель, американских авианосных группировок. С контр-адмиралами Абе и Кадзиоки, чьи корабельные группировки, предназначенные для атаки Порт-Морсби, все еще находятся в Рабауле, я чуть позже переговорю лично. Противник ни в коем случае не должен застать нас врасплох. Необходимо немедленно усилить воздушную разведку южной части Кораллового моря и направить туда еще несколько подводных лодок к уже имеющимся. Все подозрительные происшествия, вроде исчезновения наших самолетов-разведчиков или атак наших подводных лодок самолетами, с этой минуты считать подтверждением обнаружения американских авианосных группировок, и тут же посылать в эти координаты ударные соединения береговой авиации, которая в скором времени будет усилена 11-м береговым воздушным флотом, временно переброшенным сюда из Индокитая. Наши авианосные группировки до самого последнего момента должны оставаться в резерве, чтобы бить наверняка. Ни один американский корабль, будь то авианосец, крейсер, эсминец или танкер, не должен покинуть Коралловое море. Все они должны быть потоплены. Хейко Тенно Банзай!

5 мая 1942 года, Полдень. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина.

Присутствуют:

Верховный Главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин

Начальник Генерального Штаба генерал-полковник Александр Михайлович Василевский

Командующий 1-м мехкорпусом ОСНАЗ генерал-лейтенант Вячеслав Николаевич Бережной

Командир 205-й истребительной авиадивизии генерал-майор Евгений Яковлевич Савицкий

Командир 76-й смешанной авиадивизии генерал-майор Василий Георгиевич Рязанов Замкомандующего ВВС Волховского фронта генерал-майор Сергей Игнатьевич Руденко

Помощник командира 9-й штурмовой авиадивизии полковник Василий Иванович Раков

Командир 150-го скоростного авиаполка подполковник Иван Семенович Полбин

Поскребышев осторожно открыл дверь в кабинет Верховного и сделал приглашающий жест рукой. Генерал Савицкий, Рязанов, Руденко, полковник Раков, подполковник Полбин вошли и остановились на пороге. Кроме Сталина, в кабинете присутствовали уже известный всем начальник Генерального Штаба Василевский, недавно получивший звание генерал-полковника, и еще один невысокий худощавый генерал-лейтенант танковых войск ОСНАЗ с жестким волевым лицом и солидным орденским «иконостасом» на груди.

– Здравствуйте, товарищи летчики, – сказал Верховный, поднявшись навстречу гостям из-за стола, – проходите, не стесняйтесь.

– Здравия желаем, товарищ Верховный Главнокомандующий – за всех сразу ответил Савицкий. – Мы не стесняемся, мы осматриваемся. Перед боем летчикам иначе нельзя.

– Хорошо, товарищ Савицкий, – кивнул Сталин, – мы знаем, что немецким асам вы отвечаете так же метко и без задержки. Сколько у вас сбитых вражеских самолетов?

– Пять лично и три в группе, товарищ Сталин, – ответил Савицкий.

– Это очень хорошо, – сказал Сталин, – что советские генералы лично поднимаются в небо, чтобы не утратить квалификацию и иметь представление о том, в каких условиях приходится воевать их подчиненным.

Сделав паузу, Верховный Главнокомандующий обвел внимательным взглядом стоящих перед ним летчиков.

– Товарищи, – неожиданно став серьезным, сказал Вождь, – должен сказать, что всем вам оказано наивысшее доверие. Все что будет здесь сказано, является самой большой госу-

дарственной тайной. Для взаимодействия с наземными частями Особого Назначения Резерва Верховного Главнокомандования в наших ВВС необходимо создать авиационный корпус аналогичного назначения и подчиненности. Увеличение масштаба операций требует более тесного взаимодействия авиации и наземных сил особого назначения. Наличие же в наших войсках новой техники позволяет нам на ключевых участках фронта достигать не только численного, но и качественного превосходства над противником. Нельзя быть сильным везде – так, кажется, говорил Мольтке-старший. Но там, где решается судьба сражения, или даже всей войны, мы должны быть сильными.

В наступившей тишине Сталин прошелся по кабинету, внимательно вглядываясь в замерших летчиков.

– Начальника Генерального штаба Красной Армии генерал-полковника Василевского вы все, наверное, уже знаете, – после некоторой паузы сказал Верховный, – сейчас же я хочу представить вам командующего 1-м механизированным корпусом Особого Назначения генерал-лейтенанта Бережного – его фамилия вам тоже уже хорошо известна по сводкам Совинформбюро. Именно с частями вверенного ему корпуса вам и предстоит взаимодействовать во время летней кампании 1942 года. Товарищ Василевский, объясните товарищам обстановку...

– Кхм... – прокашлялся Василевский. – Формируемый авиакорпус ОСНАЗ, как и другие соединения этой категории, подчиняется исключительно Ставке Верховного Главнокомандования. Командующим корпусом назначен генерал-майор Савицкий. Структурно корпус состоит из четырех дивизий, штаба и полка управления, включающего в себя радиолокационные станции и мобильные пункты ВНОС. Одна из основных ваших задач – обеспечить в зоне своей ответственности стопроцентный контроль за воздушным пространством. Без этого война в воздухе невозможна. Наше командование концентрирует в ваших руках значительное количество новой техники, игнорируя потребности других участков фронта. Все это богатство ни в коем случае не должно использоваться впустую, а должно помочь нашей армии как можно скорее разгромить врага. Вам понятно, товарищ Савицкий?

– Так точно, товарищ генерал-полковник, – кивнул новоназначенный командир авиакорпуса ОСНАЗ.

– Командиром бомбардировочной авиадивизии, – продолжил Василевский, – назначается полковник Иван Семенович Полбин.

– Э-э-э... – растерянно произнес Полбин, который до самого последнего момента знал, что он подполковник. Разом махнуть из командиров обычного бомбардировочного полка в командиры авиадивизии ОСНАЗ – это не только большая удача, но и огромная ответственность. Только попробуй не справиться – и все. Про того же Бережного ходили слухи, что он, помимо кучи наловленных немецких генералов, чуть ли не самолично арестовал в Крыму генерала Козлова и адмирала Октябрьского. За развал работы и нежелание сотрудничать.

– Товарищ Полбин, – усмехнувшись сказал Сталин, – если товарищ Василевский сказал, что вы полковник, значит, полковник, ему виднее. Тем более что вооружена ваша дивизия будет новейшими бомбардировщиками Ту-2, способными с пикирования сбрасывать авиабомбы массой до двух тонн. Три полка пикирующих бомбардировщиков и один полк высотных разведчиков и носителей управляемого оружия. Товарищ Бережной потом расскажет вам, что это такое, и с чем его едят.

– Спасибо за доверие, товарищ Сталин! – отчеканил теперь уже полковник Полбин. – Я сделаю все, чтобы его оправдать.

– Ну вот и отлично, – кивнул Сталин, – продолжайте, товарищ Василевский.

– Поскольку Ту-2 – это совершенно новый самолет, – сказал Василевский, – то в полках вашей дивизии будет присутствовать инженерно-технический персонал – как от завода-изготовителя, так и от конструкторского бюро. На данный момент ваша дивизия – единственная, которая получит эти самолеты. Доведение новой, еще сырой машины до оптимальных серийных характеристик и устранение всех конструкторских просчетов с учетом опыта фронтовой эксплуатации – это задача не менее важная, чем непосредственное исполнение самой боевой задачи. То же касается и новейших истребителей Ла-5, которыми будет вооружена истребительная авиадивизия ПВО под командованием генерал-майора Руденко. Машина новая, перспективная, с хорошей энергетикой и вооружением, способная в большинстве случаев на равных бороться с немецкими истребителями и бомбардировщиками. Вашей задачей, товарищ Руденко, будет завоевание господства в воздухе на участке действий корпуса и предотвращение бомбовых ударов противника по позициям наших войск. Особое внимание уделяйте борьбе с вражескими авиаразведчиками. Необходимо не допустить того, чтобы планы нашего командования были заблаговременно вскрыты противником.

– Так точно, товарищ генерал-полковник, – сказал Руденко, – не допустим.

Бывший начальник ВВС недавно расформированного Волховского фронта вообще удивился факту своего попадания в столь именитую компанию. Еще совсем недавно он был свидетелем ареста прямо на фронтовом КП генерала Мерецкова, и теперь считался в какой-то мере политически неблагонадежным. Сергей Игнатьевич забыл, что в то время, когда Мерецков изнывал от безделья и пьянства в Волхове, он сам командовал сводной авиагруппой действовавшей в интересах 2-й ударной армии Черняховского, и успех этой армии потянул вверх его карьеру.

– Вторая истребительная авиадивизия корпуса тоже четырехполкового состава, возглавит генерал-майор Рязанов, – продолжил Василевский. – Ее вооружат маневренными фронтовыми истребителями Як-1М2. Она будет иметь задачу сопровождения наших бомбардировщиков и штурмовиков во время выполнения ими боевых задач. В вашей дивизии, товарищ генерал, будет введена совершенно новая система учета боевой эффективности. Учитываться будут не сбитые вражеские самолеты, а количество вылетов, в которых ваши подопечные не понесли потерь от действий вражеских истребителей. Внушите это всем вашим подчиненным. Ваша задача – не гоняться за вражескими самолетами, а защищать свои. Вам все ясно, товарищ генерал?

– Так точно, товарищ генерал-полковник, – ответил генерал Рязанов, – почти все. Есть только один вопрос. А в моей дивизии будет инженерная группа от завода-изготовителя и от КБ Яковлева? А то я про этот Як-1 слышал разное...

Василевский и Сталин переглянулись. Потом Вождь пожал плечами и сказал:

– Наверное, вы правы, товарищ Рязанов. Нам не стоит обижать своим невниманием тех конструкторов, чьи машины выпускаются уже давно. Такие специалисты будут и в истреби-

тельной дивизии товарища Рязанова, и в штурмовой дивизии товарища Ракова, вооруженной самолетами Ил-2. Как я понимаю, запас по возможности модернизации не исчерпан ни там, ни там.

– Так точно, товарищ Сталин, – кивнул Василевский, – не исчерпан.

– Значит, все правильно, – сказал Сталин и посмотрел на свежеиспеченного командующего авиакорпусом. – Товарищ Савицкий, вы должны знать и помнить, что командующие фронтом или армией, в полосе которых вы будете действовать, могут только просить вас о чем-нибудь, но ни в коем случае не приказывать. При этом не забывайте, что помощь местным товарищам – это хорошо, но спрашивать вас все же будут за выполнение основной задачи. Если вам это понятно, то вас сейчас проводят в отдельное помещение, где вы сможете непосредственно познакомиться с генерал-лейтенантом Бережным и уяснить суть первой поставленной перед вами боевой задачей. На этом все, товарищи, до свиданья.

5 мая 1942 года, Полдень. Москва, Кремль.

Генерал-лейтенант ОСНАЗ Вячеслав Николаевич Бережной

После Рижской операции, в которой главную роль сыграл вертикальный охват противника, мне наконец удалось убедить Сталина в том, что пора уже сформировать предназначенный для нашей непосредственной поддержки многоцелевой авиационный Корпус Особого Назначения. Генерал Савицкий будет оперативно подчинен мне. Ибо задача авиации – работа на успех сухопутных частей, которые, собственно, и приносят победу. Сталин и Василевский будут ставить нам одну общую задачу. Точно такое же взаимодействие, как с соседом справа или слева, только на этот раз сосед будет не сбоку, а над нашими головами.

– Здравствуйтесь, товарищи, – сказал я, когда сопровождавший нас лейтенант НКВД оставил нас наедине в небольшой комнате, прикрыв за собой дверь, – давайте знакомиться. Нам вместе воевать, а потому мы должны получше узнать друг друга.

В комнате все было приготовлено к долгому и продуктивному совещанию без перерыва на завтрак и обед. На большом столе лежали блокноты с прошитыми и пронумерованными листами, заточенные карандаши. В углу стоял столик с большой пепельницей и несколько стульев – уголок для перекура. На отдельном столике в другом углу стояли подносы с горками бутербродов, сахарницы с колотым кусковым сахаром, стаканы и большой электрический чайник. Рядом – заварной чайник и жестяная банка с заваркой.

– Давайте знакомиться, – сказал я, подходя к Савицкому, – генерал-лейтенант Бережной Вячеслав Николаевич.

– Генерал-майор Савицкий Евгений Яковлевич, – ответил будущий Дважды Герой Советского Союза, пожимая мне руку. А потом с какой-то юношеской непосредственностью добавил: – можно просто Женя.

Я посмотрел на него с улыбкой. Конечно, для моих сорока восьми этот жизнерадостный тридцатидвухлетний парень мог быть «просто Женей». Но мне все же не хотелось нарушать субординацию и деловой стиль общения.

– Знаете, Евгений Яковлевич, – сказал я ему, – давайте ограничимся общением друг к другу по имени-отчеству. И надо побыстрее сворачивать, так сказать, официальную часть, и переходить к разговору по существу.

Летчики переглянулись.

– Хорошо, Вячеслав Николаевич, – пожал плечами Савицкий, – можно сказать, что наше знакомство состоялось. Тем более что заочно по сводкам Совинформбюро мы знаем о вас куда больше, чем вы нас.

– В общем-то вы правы, – сказал я, жестом приглашая летчиков сесть за стол, – но лишь отчасти. Фамилии Полбин и Савицкий были известны мне задолго до высадки в Евпатории. Но об этом позже. Кандидатуры остальных командиров дивизий подбирало управление кадров ВВС РККА, и проверяло специальное подразделение НКВД. Служба в прямом подчинении Ставки имеет свою специфику, и к ней вам еще предстоит привыкнуть. Например, к тому, о чем товарищ Сталин говорил вам в самом конце. Самое главное для вас – выполнение поставленной Ставкой задачи. Лишь при этом условии вы можете не обращать внимания на грозные приказы и угрозы разных местных начальников, независимо от количества звезд у них на воротнике. Если такой начальник начнет слишком уж активно качать права, то вы должны вызвать своего особиста, и он быстро приведет его в божеский вид. Ну, если с этим вопросом все ясно, то переходим непосредственно к специфике проведения глубоких операций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.